

ТАЙНА ДЛЯ БИБЛИОТЕКАРЯ

БОРИС
БАТЫРШИН

Шпага для библиотекаря

Борис Батыршин

Тайна для библиотекаря

«ИП Каланов»

2022

Батыршин Б. Б.

Тайна для библиотекаря / Б. Б. Батыршин — «ИП Каланов»,
2022 — (Шпага для библиотекаря)

Продолжение романа «Шпага для библиотекаря». Нашествие Наполеона, пожар Москвы, отважные вылазки партизан, схватки с французскими фуражирами, опаснейшая вылазка в подземелья Москвы в поисках легендарной библиотеки Ивана Грозного – вот что ждёт героев, знакомых читателю по первой книге. А ещё – предательство, интриги, романтические истории и маячащая где-то в конце тоннеля надежда приподнять завесу тайны над тем, кто забросил наших героев в прошлое.

© Батыршин Б. Б., 2022

© ИП Каланов, 2022

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	35

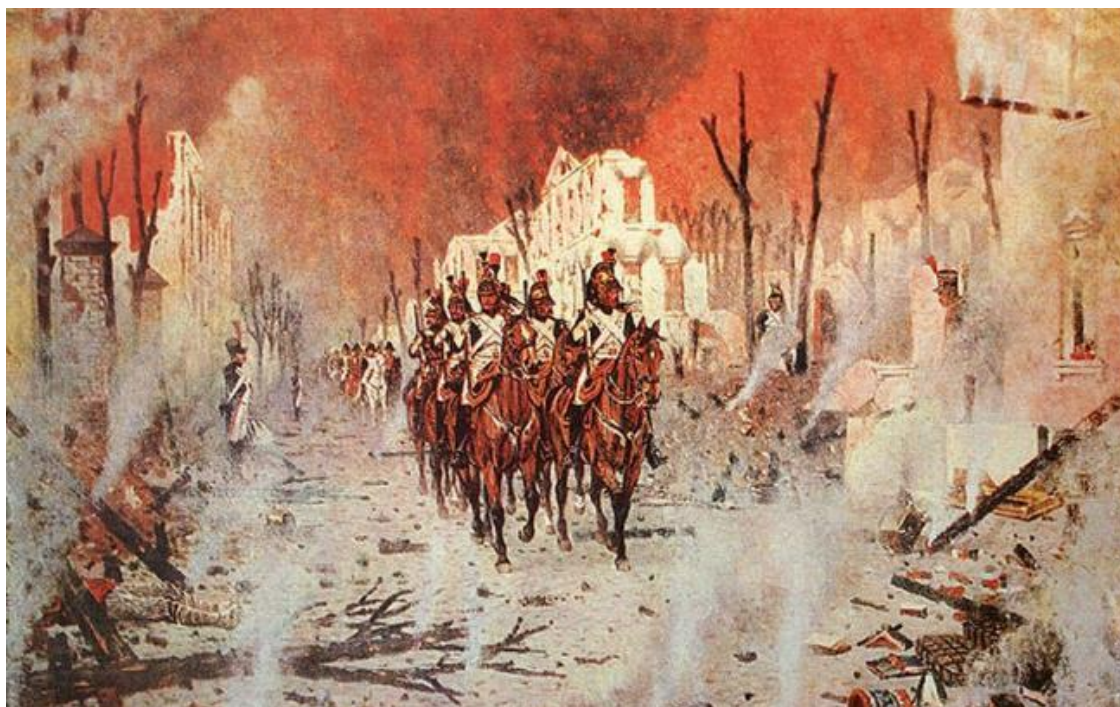
Борис Батыршин

Тайна для библиотекаря

© Борис Батыршин, 2022

Часть первая «Пока ещё жива Гасконь!»

I

Мышастый ганноверский жеребец нервно перебрал передними ногами и заржал. Идущий впереди пехотинец в замызганном белом мундире с зелёными обшлагами и вставками на груди, и в кивере, укрытом от пыли парусиновым чехлом, шарахнулся в сторону, выругавшись с сильным голландским акцентом. На его ранце, поверх свёрнутой в скатку шинели, была пристроена наполовину ошипанная курица.

д'Эрваль, лейтенант Пятого гусарского полка, легонько хлопнул жеребца между ушей сложенным вдвое поводом – тот недовольно фыркнул, мотнул башкой, но дурить перестал. Коню, как и хозяину, не нравился этот город – не нравились неровные булыжники под копытами, не нравилась чахлая пыльная зелень в палисадниках, незнакомый облик деревянных домов и церквей с опостылевшими за это лето маковками, напоминающими луковицы. А ещё – пыль, теснота на улицах, неумолчный гомон и колышущаяся перед конской мордой щетина штыков, о которые того и гляди, поранишь нежный мягкий, замшевый нос.

Великая Армия идёт через Москву. Нет, не идёт – ползёт, течёт, подобно вязкому грязевому потоку, подхватившему на своём пути массу разнообразного пёстрого хлама. Кого здесь только нет, какой только язык не звучит на улицах древней азиатской столицы – французский, голландский, польский, итальянский, немецкий с его десятком непохожих одно на другое наречий. Испанцы – и те найдутся, если хорошенько поискать...

– Никак, Жанно, дружище? Чертовски рад видеть тебя живым и невредимым!

Знакомый голос вывел д'Эрваля из раздумий. Он обернулся – окликнувший его сержант в мундире гвардейского гренадера, торопился навстречу, расталкивая идущих впереди голландских стрелков. Сержант широко улыбался, заранее раскинув для дружеских объятий

лапищи, причём в правой руке он сжимал бутылку из тёмного стекла, в которой что-то соблазнительно плескалось. Физиономия лучилась неподдельной радостью по случаю встречи со старым знакомцем.

– Адрио, ты ли это? – отозвался лейтенант, приняв вправо, к стене дома. – Так и знал, что не сегодня-завтра тебя встречу!

Он ловко спрыгнул с коня и сунул повод вместе с медной монеткой в пять су набежавшему мальчишке. Судя по синей с красной тесьмой фуражной шапке-бонэ и курточке, перешитой из солдатского сюртука – сыну полкового маркитанта.

– Вижу, на этот раз ни пули, ни палаши тебя не тронули – сказал он. – Не то, что тогда, при Эслинге?

– Обошлось, как видишь... – прогудел сержант, заключая д'Эрваль в объятия, в которых щуплый, как и полагается гусару, лейтенант совершенно утонул. – Гвардия так и не была в деле, простояла весь день в резервах. По мне, так зря – мы бы не дали не одному русскому уйти живым с того проклятого поля!

Он говорил о грандиозном сражении, состоявшемся неделю назад на подступах к городу Можайску. В отличие от Императорской гвардии, восьмая бригада лёгкой кавалерии генерала Бурте, была в самом пекле, и входивший в её состав Пятый гусарский полк недосчитался ранеными и убитыми многих своих бойцов.

– Императору виднее, кого и когда посылать. – ответил д'Эрваль. Не переживай, в России на всех довольно будет и славы, и сражений, и трофеев!

С Бургонем они были знакомы уже три года. В сражении при Эслинге тот получил две пули, в бедро и шею, едва не истёк кровью – но чудом остался жив и с санитарным обозом отправился в тыловой госпиталь. В одной повозке с ним оказался и гусарский аджудан¹ д'Эрваль, раненый в плечо, палашом австрийского кирасира. Молодые люди (Бургонь, тогда ходивший в капралах, был на год младше своего товарища по несчастью) разговорились – и в итоге, провели на соседних госпитальных койках следующие две недели. Молодость, свежие продукты с близлежащих австрийских ферм и привычка к воинским тяготам быстро справились с последствиями ранений – не самых, надо сказать, тяжёлых. Покинув по выздоровлении госпиталь, оба отправились к своим частям: Бургонь – в полк фузилёров-гренадёров Императорской гвардии, д'Эрваль, получивший после Эслинга эполеты су-лейтенанта – в свой Пятый гусарский.

С тех пор они встречались не раз, и всякий раз закатывали по случаю встречи попойку с воспоминаниями, неизменным хвастовством собственными подвигами и обсуждением блестящего будущего, которое – никаких сомнений! – ждёт обоих на службе под императорскими орлами. Если, конечно, неприятельская пуля, штык или пушечное ядро не прервут этот славный путь.

– Да уж, чего-чего, а трофеев здесь хватает. – согласился сержант. – На вот, глотни. Настоящее бордо, и откуда только оно в русской столице?

Лейтенант выдернул зубами пробку и с удовольствием приложился к бутылке. Бургонь не обманул – действительно бордо, и весьма недурное. Такое вино сделало бы честь и винному погребу в фамильном поместье д'Эрвалей.

– Здесь чего только нет, дружище! – продолжал сержант. – Мы только сегодня вступили в Москву и всего час, как встали биваком здесь, на площади. Ребята кинулись шарить по соседним домам и натащили кучу разного добра и провизии. Да ты и сам видишь...

Он широким жестом обвёл площадь. В грудах добра, сваленных на повозки, а то и просто не земле, чего только не было: сахарные головы, крынки с мукой и маслом, бутылки с ликёрами, винами и водкой, корзины с окороками и свежей рыбой. Бродили туда-сюда солдаты,

¹ *Аджудан суз-офицье* (adjudant sous-officier) – старший унтер-офицерский чин во французской кавалерии.

многие потехи ради нарядились в захваченную одежду. Казачьи кафтаны, калмыцкие, татарские и персидские халаты с шёлковыми пёстрыми шальварами, придворное платье во французском вкусе, со шпагами при бедре, с блестящими, как алмазы, с рукоятками, набранными из гранёных стальных шариков... Почти все успели приложиться к бутылкам, и оттого были веселы и добродушны. Рядом крутились маркитанты, почуявшие богатую поживу, и кое-что из добычи уже переходило из рук в руки. То тут, то там поднимались дымы костров, разложенных прямо на брусчатке – на дрова, недолго думая, пустили мебель из соседних домов. Голландские фузилеры, чья усталая колонна всё тянулась через площадь, косились на добычу с откровенной завистью, явно предвкушая, когда настанет их очередь пошарить в оставленном жителями городе.

– Вообще-то, нас поставили тут пикетом, отлучаться с площади строго запрещено. – сообщил сержант. – Но как, скажи на милость, их удержишь? Сколько сотен миль шагали к этой треклятой Москве, дышали пылью, жрали всякую дрянь, маялись поносами, потёртостями... А крови сколько пролили – не счесть!

Д'Эрваль пожал плечами, соглашаясь с приятелем. Три дня на разграбление захваченного города – священное право победителя, а Москва, купеческая столица этой невероятно богатой и изобильной страны, сулила жирный куш всякому, кто успеет её ухватить.

– А вы-то где стоите? – осведомился сержант, в два молодецких глотка приканчивая бутылку. – А то приходи ближе к вечеру, закатим пирушку. Наш полк собираются перебросить в окрестности Кремля, но мне с моим взводом назначено ещё сутки охранять дворец русского губернатора.

И он ткнул пустой бутылкой в большое трёхэтажное здание с портиком, чей фасад занимал всю правую сторону площади.²

– Спасибо за приглашение дружище. Если управлюсь до вечера с делами, непременно загляну. Наш Пятый встал на биваки возле Поклонной Горы, а меня от послали с пакетом к генералу Монбрёну³ от нашего старины Бурте – он, как мне сказали, сейчас с принцем Мюратом при ставке Императора.

– Ну, туда тебе до вечера не пробиться... – хмыкнул Бургонь. – Улицы, ведущие к Кремлю, сплошь забиты войсками, ни пешему, ни верховому хода нет. Разве что...

Он задумался, потом щёлкнул пальцами.

– Давай-ка сделаем так. Ты сейчас отдохни, перекуси, глотку промочи. Через час первый батальон нашего полка выступает к Кремлю – вот ты с ними и отправишься. В Кремле сейчас поместился Император со своей свитой и штабом, ну и Мюрат, надо полагать, тоже там. Доставишь свой пакет, а к вечеру, как заторы на улицах рассосутся, доберёшься и до нас. Куда тебе на ночь глядя, через чужой город, в одиночку, неприятностей на свою голову искать? Вон, когда мы сюда шли, видели русских с ружьями, которые прятались в палисадниках и за заборами. Ну, мы их догнали, отняли оружие, накостыляли хорошенько по шеям и прогнали прочь. Представь себе, у них у всех вместо кремней в замках был трут!

– Трут, говоришь? – лейтенант покачал головой. – Его кладут всегда, когда ружья новы и стоят в козлах. Значит, недавно были взяты из арсенала и ими ещё не успели воспользоваться. А может, просто не знали, что с ними делать. Что ж, если эти русские все такие стрелки – мне, пожалуй, в городе опасаться нечего.

– При Бородино они стреляли недурно. – возразил сержант. – Да и здесь всякое случается. Я слышал, сегодня днём едва не подстрелили офицера из свиты короля неаполитанского –

² Нынешнее здание Московской Мэрии.

³ Генерал Монбрён командовал 2-м корпусом резервной кавалерии, в состав которой входила 2-я лёгкая бригада генерала Бурте.

пуля пробила треуголку, а владельцу только поцарапала макушку. Так что не стоит рисковать, Жанно – переночуешь у нас, а с утра поедешь к своим.

* * *

Совет сержанта Бургоня оказался толковым. Д'Эрваль довольно легко добрался до Кремля, следуя за батальонной колонной Императорских гренадер. Прочие, не столь привилегированные части послушно расступались, давая дорогу солдатам в высоких медвежьих шапках, а если кто и протестовал против столь явной несправедливости – то ограничивались недовольным бурчанием и ядовитыми шутками, отпускаемыми вслед.

Проехав через распахнутые ворота большой башни (пропуска или пароля у него не спросили и даже не окликнули, хотя ворота и караулили полдюжины вольтижёров во главе с усатым краснолицым капралом), лейтенант оказался внутри крепости.

Здесь повсюду дымили костры, стояли пушки и обозные фургоны, бегали люди с охапками дров, соломы и вёдрами воды, фыркали у коновязей лошади. Потратив полчаса, на поиски, лейтенант выяснил, что Монбрёна в Кремле сейчас нет – он отправился с Мюратом инспектировать прибывающие в Москву войска. Тратить остаток дня на ожидание не хотелось, а потому он сплавил пакет дежурному офицеру и отправился по другому своему делу, со службой никак не связанному.

Дело это заключалось в том, чтобы найти одного из многочисленных географов, математиков, естествоиспытателей и художников, сопровождавших Императора в русском походе. К одному из представителей этой учёной братии у д'Эрваля было рекомендательное письмо, полученное ещё в Париже, через дальнего родственника, преподающего математику в Инженерной школе. По сведениям, полученным от дежурного офицера, «учёный обоз» расположился в одном из флигелей Большого дворца – и именно туда лейтенант направил свои стопы.

* * *

– Значит, вы родом из Гаскони, мой друг? – спросил Опинык.

– Из Табра. Наша семья обитает в тех краях ещё со времён крестовых походов. В самом начале гугенотских войн поместье было сожжено проходящими наёмниками, но позже, уже при Луи Тринадцатом его отстроили заново.

Собеседник (имя его было Марсель Опинык) оказался в точности таким, как д'Эрваль и представлял его – низенький, сутулый, в буром гражданском сюртуке, очках с проволоочной оправой на одутловатом лице и длинными, до плеч, дурно расчёсанными волосами. Ещё бы красный фригийский колпак – и готовый парижский буржуа-бунтовщик разлива восемьдесят девятого года. Пики только не хватает, или старого охотничьего ружья.

«...впрочем, куда такому сморчку ещё и оружие...»

– И библиотека, о которой вы говорили, не пострадала ни при разгроме поместья, ни позже, во время революционных войн... – сказал «сморчок». – Это большая удача – многие из знаменитых книжных собраний Франции не пережили этих потрясений.

– Последние двести лет наша семья была далека от политики. Мой отец при короле даже в армии не служил, всё время посвящал поискам редких книг по всей Европе. Он и умер, когда отправился в отдалённый монастырь в предгорьях Баварских Альп в поисках одного редкого манускрипта.

– И сын решил продолжить дело отца. – Опинык покивал головой. – Похвально, весьма похвально. В наши дни у молодых людей на уме если не воинская слава, то непременно деньги. Нет, чтобы посвятить себя вечным ценностям – наукам, искусствам, образованию...

– В списке книг, которые отец намерен был искать в первую очередь, числится чрезвычайно редкая инкунабула немецкого книгопечатника Альбрехта Пфистера, это пятнадцатый век от Рождества Христова. У отца были сведения, что она находилась в книжном собрании московского царя, не помню точно какого... Я решил попробовать разыскать эту книгу, раз уж всё равно оказался в Москве. Может быть, вам что-нибудь известно о здешних библиотеках? Был бы весьма признателен, и поверьте, не остался бы в долгу...

– Ну, не знаю, юноша, не знаю... – учёный в задумчивости стащил с носа очки и принялся протирать стёкла. – По моим сведениям университетскую библиотеку из города вывезли. Остались, конечно, и другие – в Москве, как вы, думаю, успели заметить, немало богатых домов. Но чтобы книжное собрание одного из царей Московии?.. Нет, не слыхал, не слыхал.

– Что ж, признаться, я особо и не надеялся. – д'Эрваль добавил в голос тщательно рассчитанную толику разочарования. – Отец ещё давно, до начала австрийской кампании пятого года писал в Московский Университет, хотел навести справки. Но ему ответили, что библиотека эта давно утрачена, и помочь ему ничем не могут. Уж если они не знают – где уж вам, иностранцу, который и в России-то оказался впервые?

В интонации, с которыми они были произнесены эти слова, заключался вызов. Дело в том, что коллеги мсье Опиньяка, с которыми д'Эрваль беседовал ещё в Париже, хором утверждали, что тот чрезвычайно тщеславен и болезненно относится к любым намёкам на то, что он может чего-то не знать.

И, как выяснилось, были совершенно правы – после слов «где уж вам, иностранцу...» учёный недовольно скривился.

– Я, конечно, впервые в России и, тем более, в Москве. Но, смею вас заверить, я кое-что понимаю в реликвиях печатного дела к каковым, безусловно, относятся все творения Пфистера.

Д'Эрваль постарался изобразить на физиономии прилив энтузиазма, хотя и рассчитывал именно на такой результат. Собирая сведения о своём учёном визави, лейтенант выяснил, что тот был большим ценителем старинных изданий – и, конечно, не мог не заглотить такую наживку.

– Может, я и не имею сведений об упомянутом вами книжном собрании, – продолжал меж тем Опинык, – но, поверьте, уж справки-то навести сумею.

И посмотрел на лейтенанта с осуждением – мол, кто вы такой, чтобы сомневаться в моих способностях? Д'Эрваль немедленно соорудил виноватую мину.

Учёный смилостивился и извлёк из-за обшлага маленький блокнот и свинцовый карандаш.

– Вы ведь служите в Пятом гусарском, юноша? Напомните ваше имя и звание – это чтобы я знал, кого спросить, когда получу интересующие вас сведения.

– Да, я из Пятого. – ответил лейтенант. – Но искать меня лучше при штабе маршала Нея, я перехожу туда адъютантом.

Это была чистая правда. Передав пакет адресату, собрался уезжать из Кремля, и у коновязи, где оставил своего ганноверского жеребца, встретил старинного приятеля, драгунского лейтенанта, состоящего при штабе Нея. Они разговорились, и драгун между делом упомянул, что у них после недавнего сражения при штабе большая убыль в адъютантах. Многие погибли или получили ранения, когда маршал отправлял их с донесениями или поручениями в первые линии войск. Услыхав об этом, Д'Эрваль попросил рекомендовать его маршалу. То, ради чего он забрался сюда, на край света, требовало куда большей степени свободы, чем та, которой обыкновенно располагает армейский офицер невысокого ранга. Адъютант маршала – дело другое, особенно когда армия стоит в захваченном большом городе. Всегда можно изобрести подходящий повод, чтобы отлучиться на часок-другой по собственным делам.

А их в ближайшее время предстоит немало, и далеко не обо всех следует знать как его непосредственному начальству, так и сутулому учёному умнику с сальными волосами и очках в проволочной оправе.

II

Великая Армия, заняв Москву, оказалась в затруднительном положении – подобно обезьяне, что пытается достать зажатый в лапе орех из слишком узкого горлышка кувшина. Необходимых запасов фуража и провианта в городе не было, а расчёт на то, что крестьяне подмосковных губерний повезут в город провиант для торговли, рассеялись, словно утренний туман. Вместо этого как грибы после дождя стали плодиться партизанские отряды, как военные, из казаков и армейских кавалеристов, так и крестьянские. Для фуражировки захватчики принуждены были отправлять сильные отряды, которые редко возвращались без потерь. Для облегчения сбора провизии и охраны путей сообщения приходилось держать крупные войсковые соединения далеко за пределами Москвы.

Авангард под командой Мюрата с 24-го сентября наблюдал за русской армией, располагаясь близ от села Тарутина на притоке Нары реке Чернишне, в девяносто верстах от Москвы. Имея сильную артиллерию в сто девяносто семь орудий (которая, по мнению Клаузевица, скорее обременяла авангард, чем была ему полезна) и насчитывая более двадцати тысяч сабель и штыков, среди которых был и польский корпус Понятовского, Мюрат некоторое время соседствовал со своими русскими визави без боевых действий. Как писал генерал Ермолов: «генералы и офицеры съезжались на передовых постах с изъятием вежливости, что многим было поводом к заключению, что существует соглашение о перемирии.

Я приподнялся на стременах. Из-за близкой рощицы, куда уходила жёлтая лента Старой Калужской дороги, поднимались жиденькие дымки.

– Как, вы говорите, поручик, называется деревня?

– Какая-то Левашовка. – отозвался Ростовцев, давая шпоры коню. Тот всхрапнул и пошёл крупной рысью в обгон колонны Селенгинского пехотного полка, неспешно пылящей по обочине. Вслед за солдатами тянулся полковой обоз – фургоны, телеги, зарядные ящики. Армия, как и предписывал ей неумолимый ход истории, двигалась к селу Тарутино, где светлейший князь Михайло Илларионович собирался встать воинским лагерем, соорудив таким образом Бонапарту известную фигуру из трёх пальцев.

А впрочем, так ли неумолим этот самый „ход истории“? на календаре, между прочим, уже девятое октября, Кутузов только вчера покинул главную квартиру в Тарутино – при том, что в известном мне варианте истории он сделал это полутора неделями раньше. Вот и Бородинское сражение состоялось здесь на три дня позже, и в Москву французы вступили только девятнадцатого сентября, а не четырнадцатого. Это если не вспоминать о более ранних нестыковках – например, о безвременной гибели Веллингтона в Португалии, в 1810-м году. Что-то не так было со здешними шестерёнками всемирных часов, и вряд ли наши действия – мои и других попаданцев – имели к этому отношение.

Впрочем, как и было не раз сказано, наука умеет много гитик. А несуществующая ни здесь, ни в двадцать первом веке, наука хронофизика – так и в особенности...

– Я слышал, к светлейшему приезжал Лористон? – спросил я. Никакого секрета в этом не было, о визите посланника Наполеона в армии не судачил только ленивый.

– Да, третьего дня. – кивнул поручик. Пехотная колонна осталась позади, и мы снова перешли на шаг, давая отдых притомившимся лошадям. – Они беседовали с глазу на глаз, отчего недоброжелатели главнокомандующего, которых при армии хватает, принялись рассуждать о возможном сговоре. Но, как по мне, всё это досужие вымыслы. Светлейший – хитрая лиса и дипломат известный, наверняка рассчитывает обдурить лягушатников. Недаром он

спешно покинул ставку в Тарутино и обосновался в этой самой Левашовке, будь она трижды неладна...

Я кивнул. В ставку Кутузова нас вызвали пакетом. Доставивший его адъютант, совсем юный безусый гусарский корнет (мне сразу вспомнился то ли Петя Ростов, то ли Шурочка из „Гусарской баллады“, которую упрекали в отсутствии этого обязательного для гусара украшения), по секрету сообщил, что главнокомандующий собирает партизанских командиров для того, чтобы самолично поставить им новые задачи. И хотя наш маленький отряд и числился под началом Сеславина, прибыть к ставке было велено и Ростовцеву – корнет прозрачно намекнул, что светлейший, прочтя донесение поручика о деле в селе Успенское, сильно обрадовался и теперь имеет на удачливого поручика какие-то виды. Я же не упустил случая напроситься вместе с ним, предвидя сюрпризы.

И, как вскоре оказалось, словно в воду глядел.

* * *

– Что у вас в будущем известно о Герасиме Курине? – спросил Ростовцев. – Или вы о нём не слышали? Я мог бы, конечно, книжки полистать из вашей библиотеки, но они уже в имении, а времени ни на синь пороху...

В Левашовке мы не задержались. Вечером Ростовцева вместе с Сеславиным принял сам Кутузов, а с утра мы уже бодро рысили по пыльному просёлку, направляясь на восток, к большому селу Лопасня – в наше время город Чехов.

– Ну почему же? Слышал, и немало. – отозвался я. – В Москве даже улица имеется, названная в его честь. Но дело не в улице, конечно – ежегодно в годовщину дела при Вохне проводился фестиваль... праздник такой. Любители военной истории наряжались кто в русские или французские мундиры, кто в мужицкие армяки, и скакали по полям, разыгрывая эпизоды из этого сражения.

– Разыгрывали, говорите? – Ростовцев недоверчиво хмыкнул. – Чисто дети малые. Заняться, что ли, нечем?

– Э-э-э, не скажите. У нас это называется „историческая реконструкция“ – весьма почтенное занятие, призванное поддерживать в публике интерес к истории. По всей Европе устраивают фестивали в годовщины знаменитых сражений, да и Америка не отстаёт. И не только по эпохе наполеоновских войн – есть и любители средневековья, и более поздних времён, и, конечно, мировых войн, которые здесь пока не случились.

Я знал, о чём говорю: перед тем, как вляпаться во межвременные приключения мне довелось немало пообщаться с реконструкторской братией, поучаствовать в их мероприятиях, и даже позаниматься историческим фехтованием. И не напрасно, как выяснилось: приобретённые навыки уже не раз спасали мне жизнь – на настоящей, а не „потешной“ войне.

– Ну, бог им судья. – ответил поручик. – Праздники, так праздники. Вы мне лучше про вохонское дело расскажите. Что это, кстати – село, речка?

В седле он сидел, как влитой, и мне с моими навыками верховой езды, приобретёнными в реконструкторской среде, было до него, как до Китая... далеко, в общем. Как там излагал государь Пётр Алексеич: *„Офицерам полков пехотных верхом на лошадях в расположение конных частей являться запрет кладу, ибо они своей гнусной посадкою, как собака на заборе сидя, возбуждают смех нижних чинов кавалерии, служащий уцербу офицерской чести...“*

Как раз мой случай – хотя я, конечно, не офицер и даже не капрал. Так, гражданская персона, студент недворянского происхождения, записанный в армию вольноопределяющимся. Какой-никакой, а всё же статус, тем более, что под него Ростовцев ухитрился выправить для нас с Рафиком при штабе соответствующие документы. Правда, мне ещё не приходилось предъ-

являть этот „аусвайс“, но мало ли как в дальнейшем оно обернётся? Без бумажки ты известно что – что в девятнадцатом, что в двадцать первом веке.

– Вохонка – это речка, а село называется Павлово. – сказал я. – Богатое, между прочим, село. Тамошние мужики промышляют ткачеством – нитки и ткани, шерстяные, шёлковые, хлопчатобумажные, льняные. Готовую продукцию возят на ярмарки в Москву, Нижний, Владимир.

– Это я и сам знаю, успели просветить. – отмахнулся Ростовцев. – Светлейшего интересует, насколько серьёзную силу представляет тамошняя мужицкая рать. Ведь дело при Вохне, как я понимаю, ещё не состоялось, и при штабе армии о них ничего толком не известно. Есть только депеша от князя Голицына, начальника дивизии ополчения Владимирской губернии. К ним, видите ли, явились неделю назад двое местных жителей, как бишь их дьяволов...

Он выудил из-под расстёгнутого по случаю тёплой погоды доломана сложенную бумажку, расправил.

– Некто Егор Стулов и Герасим Курин – да я о нём давеча спрашивал. Рассказали, что в их краях появились французские фуражиры – скупали по сёлам и деревням хлеб, сено, молоко, муку, причём расплачивались, канальи, фальшивыми ассигнациями. Но не тут-то было: мужики в тех краях торговые, зажиточные, основательные, быстро раскусили этот трюк и торговать отказались. Французы в ответ стали провиант с фуражом изымать – говоря попросту, грабить. Богородским это не понравилось, они собрали сход, и решили создать отряд самообороны. Вооружились, чем попало, и стали разбивать фуражиров. Взяли обоз с добром, коней, телеги, мундиры, сапоги, оружие. Но потом те, кто поумнее, эти самые Стулов и Курин, задумались: французы ведь это дело так не оставят и обязательно пришлют большую воинскую команду, которую вот так, на шармачка, уже не одолеть. Вот и отправились во Владимир просить помощи у губернского начальства.

– И что, им помогли?

– Князь Голицын отписал главнокомандующему, что послал в село Павлово штаб-ротмистра Богданского с полуэскадрой павлоградских гусар и казаков. Но, видать, уверенности у главнокомандующего нет – края это богатые, и французы непременно туда ещё заявятся значительными силами. Вот светлейший и хочет, чтобы мы оценили там всё свежим взглядом: справятся ли мужички с павлоградцами, или им понадобится подмога?

– В нашем варианте событий справились. – сказал я. – А сейчас – ну не знаю... что им может помешать? А помощь откуда, снова из Владимира, от князя Голицына?

– Помощь – это мы, наш отряд. – объяснил Ростовцев. – главнокомандующий сказал, что ежели мы сочтём нужным, то можем перебраться в Богородский уезд и оперировать там. Сеславину он уже отдал распоряжение – Александр Никитич скривился, будто лимон надкусил, но спорить с начальством не стал. Себе дороже – светлейший, если придётся, любого своего вольника, будь он хоть трижды герой, в бараний рог скрутит...

– Понятно. – я кивнул. – А сейчас, значит, втроём, на мягких лапках? Присмотреться, решить, а дальше видно будет?

Третьим в нашей воинской команде был ординарец Ростовцева Прокопыч. Отряд поручик оставил на корнета Веденякина со строгим указанием: приводить в порядок матчасть, вести осторожную разведку и в серьёзные дела до нашего возвращения не ввязываться. Рафик Данелян, ещё один попаданец, тоже примкнувший к сумцам, и обычно не отстававший от меня во всех наших похождениях, остался с Веденякиным. Рафик взялся всерьёз учиться непrostому воинскому делу, и прерывать „курс“ ради прогулки в ставку Кутузова не было никакого резона.

– Примерно так. – ответил Ростовцев. – От Тарутина до Павлова лесами да просёлками вёрст полтора. Если не мешкать – за двое суток можно добраться. Главное – не попасться по дороге неприятельским разъездам, французы рассылают их почём зря в опасении партизан.

А Веденякину я уже отправил депешу, чтобы готовил отряд к передислокации. Им-то вдвое против нас идти, да ещё и по самым опасным местам. Но ничего не поделаешь, приказ светлейшего. Говорит: надеюсь на вас, поручик, и на людей ваших. За Богом молитва, а за царем служба не пропадет – как исполните, представлю вас к Владимиру с мечами, давно заслужили!

Я покачал головой. Крест – это, конечно, неплохо, но перспектива дальнего рейда отряда в обход Москвы, по местам, кишашим французскими фуражирами и патрулями, меня не слишком вдохновляла. Одна надежда, что Курин и павлоградцы справятся без нашей помощи.

* * *

В Лопасне пришлось задержаться, хотя Ростовцев и планировал преодолеть за день не меньше половины пути и заночевать где-нибудь в окрестностях Бронниц. По сведениям, полученным Ростовцевым при штабе, неприятельские фуражирские команды появлялись и там – однако в окрестностях городка было достаточно дворянских поместий, куда французы добраться пока не успели. Но – человек предполагает, а Бог располагает; на подъезде к Лопасне лошадь Ростовцева потеряла подкову, и нам волей-неволей пришлось сбавить темп. Остановились мы в имении Зачатьевское, принадлежавшем старинному дворянскому роду Васильчиковых; пока бежали в близлежащее село за ковалем, пока тот возился с охромевшей кобылой Ростовцева, а заодно менял побитые подковы другим лошадям, стал накрапывать дождь, быстро превратившийся в ливень. Плестись на ночь глядя по раскисшим глиняным просёлкам удовольствие ниже среднего. Мы с поручиком, оставив на попечение Прокопыча наш четверногий транспорт, приняли приглашение хозяйки имения – поужинать, чем бог послал, переночевать, а с утречка пораньше, с первыми лучами солнца, двинуться в путь.

Наталья Петровна Васильчикова, статная, красивая дама лет сорока, из числа тех, про кого говорят „кровь с молоком“, приняла нас так, как это представлялось мне из многочисленных книг и фильмов о „грозе двенадцатого года“. Стол, ломящийся от наливок и вин из барского подвала, запечённый с яблоками поросёнок, простившийся с жизнью не больше двух часов назад, караси в сметане и какая-то дичь – то ли тетерева, то ли рябчики. Наталья Петровна всю расхваливала своего повара, крещёного татарина Артамошку (покойный Иван Николаевич триста пятьдесят рублей серебром за него отдал и ни разу о том не пожалел!), а я слушал, жевал и нахваливал – в те редкие моменты, когда челюсти не были заняты пережёвыванием сельских деликатесов. А когда всё-таки отвлекался, чтобы произнести очередной витиеватый тост, посвящённый хозяйке дома, то ловил брошенные на себя довольно-таки откровенные взгляды. Что ж, дело житейское – супруг Натальи Петровны, отставной бригадир Иван Николаевич Васильчиков оставил её вдовой десять лет назад, и с тех пор она почти не покидала имения, лишь изредка выбираясь в близлежащий Серпухов. Крутить романы с кучерами и садовниками не позволяло воспитание, а естество далеко ещё не старой женщины настойчиво требовало положенного от природы. Ох, дождусь я сюрприза сегодняшней ночью – не зря же что Наталья Петровна не раз упоминала о мягких перинах, которые она велела приготовить для дорогих гостей. В разных комнатах, что характерно – поручику во флигеле, а мне в большом барском доме, причём её собственную спальню отделяет от моей недлинный коридор.

Ростовцев, видимо, что-то такое заметил и постарался перевести разговор на сына хозяйки. Тот служил в кавалергардах, отличился в бородинском сражении и представлен, как нам с гордостью сообщила Наталья Петровна, к ордену Анны третьей степени „За храбрость“. Потом стали вспоминать общих знакомых и общую же родню – нашлась и такая. Беседа неспешно текла, и под её журчание я сам не заметил, как стал клевать носом – к неудовольствию милой Натальи Петровны, то и дело постреливавшей в мою сторону глазками самым недвусмысленным образом.

III

– Берегитесь, мсье! Справа!

Д'Эрваль пригнулся, одновременно пытаясь натянуть на голову ментик. И вовремя – густой сноп искр, порождённый обрушившимся куском кровли, вихрем пронёсся над улицей. Лошади испуганно заржали, попятились, несмотря на то, что головы у них были предусмотрительно укутаны плащами и попонами.

Лейтенант выпрямился и принялся стряхивать с себя тлеющие искры. В нескольких местах серое сукно ментика было прожжено насквозь и бесстыдно чернело обугленными, дымящимися краями.

„...ну вот, вконец испортил! А когда они только въезжали в охваченный пожаром город, сопровождавший д'Эрваля голландец-шеволежёр толковый совет: укутаться от искры в кусок парусины от тента обозного фургона. Не согласился – показалось ущербом для чести офицерского мундира заматываться в какие-то драные тряпки. Вот и не жалуйся теперь на дырки, прожжённые в этом самом мундире...

За те две недели, что Д'Эрваль прослужил на новом месте, он почти не бывал в Москве. Не прошло и двух часов после того, как лейтенант доложил дежурному офицеру при штабе маршала Нея, а его уже отправили с первым поручением – сопровождать фуражирскую партию в один из подмосковных уездов. Им тогда повезло – крестьяне безропотно продавали муку, масло, сено, рыщущие по окрестностям города шайки герильясов и партии казаков и легкоконные армейские разъезды, миновали их стороной. Вернувшись в Москву с полными телегами разного добра, он застал начало пожара и долго и мучительно пробирался по охваченным огнём улицам, потеряв при этом два воза с сеном, подожжённые сыплющимися со всех сторон искрами. Тем не менее, с заданием д'Эрваль справился, о чём ему не преминул сообщить сам маршал – и тут же отправил с новой фуражирской партией. На этот раз вылазка ограничилась тремя днями и тоже обошлась без потерь, хотя провианта взяли не в пример меньше – до них в деревнях побывали фуражиры корпуса Понятовского, а после этой пубрики редко остаётся, чем поживиться. Зато снова обошлось без стычек с русскими герильясами – бравые уланы герцогства Варшавского крепко наподдали пейзамам, и те не решились высунуться из своих чащоб и болот.

И вот – третья вылазка, закончившаяся далеко не так радужно. Отряд, к которому был прикомандирован лейтенант, угодил в засаду, не успев добраться до цели. Потеряв в схватке с казаками до трети конвойных солдат и почти все обозные телеги, они сумели отбиться и отступить, сохранив относительный порядок. Казаки же, обнаружив, что взятые с боя возы пусты, потеряли к французам интерес – всякому известно, что этим сынам диких степей подавай в первую очередь возможность пограбить. Недаром прусский король Фридрих Второй, немало хлебнувший лиха от казаков, говорил, что самый верный способ остановить нападение казачьей лавы – это бросить у неё на пути богатый обоз...

Так что приходилось возвращаться, несолоно хлебавши. Оставив остатки обоза возле одной из московских застав, Д'Эрваль взял в сопровождение четверых голландских шеволежёров во главе с бригадиром-фурьером из состава потрёпанного конвоя и с этим отрядом направился в сторону Кремля. Задача эта оказалась не из лёгких. Улицы, по которым они проезжали всего два дня назад сделались неузнаваемы. В дыму и языках пламени угадывались только закопченные маковки церквей и колоколен, которых в этом варварском городе было великое множество. Кое-где пожар превратил в уголья целые кварталы; в других местах пламя ещё бушевало, и приходилось сворачивать в объезд, чтобы не угодить в огненную западню. Кони бесились и рвали поводья, пугаясь жгучих искр и хлопьев горячего пепла, сыплющихся со всех сторон, и пришлось укутать им головы плащами и вальтрапами, стянув их с сёдел. Лица кав-

леристы замотали платками и разорванными на полосы ткани рубахами, ткань полили водой, опустошив свои фляги. Но хватило этой меры ненадолго – обжигающий воздух и вездесущий пепел быстро высушили ткань, и лейтенант, почти ослепший, уже всерьёз подумывал о том, чтобы смочить платок мочой. К счастью, бригадир-голландец извлёк из седельного чемодана бутылку вина, и Д'Эрваль испытал невероятное облегчение, промыв, наконец, глаза.

Надо было двигаться дальше; голландцы, пошарив на пепелище, вытащили из груд обугленных досок и брёвен закопченные листы кровельного железа и, согнув их, стали прикрывать себе головы от сыплющихся со всех сторон золы и тлеющих головней – на искры никто уже не обращал внимания. Так они и шли сквозь огненный вихрь, прикрывая импровизированными щитами голову и один бок, а другим боком прижимаясь к товарищам или к лошадям, чтобы образовать некое подобие римской „черепахи“. У одного из шевележёров взбесилась лошадь – порвала поводья и с диким ржанием кинулась вдаль по переулку. Никто не пытался её догонять – все понимали, что несчастное животное обречено на огненную смерть и отнюдь не рвались разделить его участь.

Отряд один за другим миновал три охваченных пожаром квартала и вышел на площадь, где люди смогли, наконец, вздохнуть относительно свободно. За пылающими крышами близлежащих зданий высились башни и колокольни Кремля, цели их вояжа – но как туда попасть, не поджарившись по пути и не растеряв уцелевших лошадей, лейтенант решительно не представлял. Он стащил с лица осточертевший платок и долго, мучительно откашливался золой и чёрной слезью.

– О, Жанно! Опять мы с тобой встретились! Слышал, тебя посылали гонять русских герильясов! Ну и как, есть, чем похвастать? Болтают, в здешних деревнях пейзажи – кровь с молоком, и всякая только и мечтает, как бы уединиться на сеновале с бравым французским солдатом? Небось, не их грязные мужики у которых солома в волосах и капуста в бороде....

– Да, уединиться, чтобы воткнуть вилы в бок. – д'Эрваль отхаркнул последние комья саж и мог теперь говорить более-менее внятно. – Не слушай досужих болтунов, дружище Адри, и благодари бога, что Гвардию не посылают на фуражировки. Хотя, здесь, в проклятом городе, пожалуй, немногим лучше, с тех пор как эти безумцы его подпалили.

Сержант Бургонь – а это был, конечно, он, – невесело вздохнул.

– Твоя правда, Жанно. Не припомню, чтобы в каком-нибудь из взятых городов нас встречали так паршиво. В Испании и то было легче. Нам-то ничего, сидим в Кремле и только изредка выходим за стены – прибарахлиться, раздобыть выпивку и провиант. В последнее время с этим стало неважно, даже Старой Гвардии урезали выдачу риса!

– Скоро будете жевать распаренный овёс, как лошади. – посулил лейтенант. – Ты мне вот что лучше скажи: как вы ухитряетесь находить дорогу в этом аду? Мы уж часа три плутаем, едва не поджарились, сам видишь...

И он с отвращением ткнул пальцем в прожжённое сукно некогда щегольского, с золочёными шнурами, офицерского ментика.

– Да я и сам порой не понимаю, как. – сержант пожал плечами. – Третьего дня четверо ребят из нашей роты отправились в город, и только их и видели! То ли местные их пристукнули, то ли заблудились и сгорели, бедняги. Такой смерти и врагу не пожелаешь! А мы рисковать не стали, взяли еврея-проводника. Все так делают, и чёрт его знает, дружище Жанно, как эти сыны Израилевы ухитряются найти дорогу в этом Содоме с Гоморрою!

– Еврей-проводник, говоришь? – д'Эрваль удивлённо вздёрнул бровь. – И где же вы раздобыли эдакое сокровище?

– Недалеко от Кремля есть целый еврейский квартал. – принялся объяснять сержант. Туда ведёт улица со странным названием: „Varvarka“. Ребята из нашей роты уже ходили туда, и знали дорогу. Правда, из-за огня они едва смогли найти верный путь, но всё же встретили на пепелище еврея. Тот рвал на себе пейсы, глядя, как горит синагога, где он состоял учеником

раввина. Он немного говорил по-немецки – вернее, на этой дикой смеси польских и немецких слов, которую евреи полагают своим языком, – и рассказал, что он и его родичи снесли в синагогу всё самое ценное, что у них было, рассчитывая, что иудейский бог убережёт добро от огня. Но, видать, плохо они ему молились – ни добра он там после пожара найти не смог, ни родни. Ну, мы плеснули бедняге водки из манерки и посулили денег, если отведёт нас, куда нам нужно. Услышав о деньгах, он совершенно успокоился, повеселел и через некоторое время уже стал расспрашивать, не продаём ли мы чего-нибудь по сходной цене? Ребята, услышав это, много смеялись. Что за народ такой, только о прибытке и думают?

– У всякого народа свои обычаи, Адри. – наставительно сказал лейтенант. – Евреи хотя бы свой город не поджигают, как это делают русские. И в Смоленске, и здесь – право же, нация буйнопомешанных!

– Оно, конечно, так... – сержант поскрёб подбородок чёрными от золы пальцами. – Я его спросил: как можно думать о прибытке, когда вся семья, возможно, сгинула в огне? Так он знаешь, что ответил? Сказал, что бог Израиля не допустит такого несчастья, а сгорело только то, что было сверху. Люди же спрятались в подземельях, которых тут, оказывается, видимо-невидимо и, скорее всего, остались невредимы.

– Ну, остались и остались, тебе то что за забота?

– Да я вот думаю: может, в этих самых подземельях помимо еврейских семейств, спрятано что-нибудь ценное? Вот бы где пошарить, вдумчиво, не спеша...

– Кто ж тебе мешает? – удивился д'Эрваль. – Расспроси своего проводника, где спуск под землю, и шарь там, сколько влезет. Только смотри, чтобы начальство не пронюхало, а то может и не одобрить. Сам знаешь, за грабёж населения полагается расстрел.

– Тогда одной половине армии придётся расстрелять другую. – ухмыльнулся Бургонь. – А потом и самим застрелиться. Видать, ты давно не был в Москве, Жанно и не знаешь, что тут происходит...

– Да уж вижу, вы времени даром не теряете. – он кивнул на солдатские ранцы, из-под крышек которых вперемешку со копчёными окороками и винными бутылками торчали позолоченные подсвечники и предметы церковной утвари. Вы, часом, не к Кремлю сейчас возвращаетесь? А то мы слегка заплутали...

– Так и есть, Жанно! – подтвердил сержант. – если хочешь, можете идти давайте с нами. Только уж и вы нам подсобите: ребята отыскивали богатый дом, не тронутый огнём, набили дюжину тюков и корзин разным барахлом, а на себе тащить несподручно. Может, навьючим на ваших лошадей, раз уж вы всё равно идёте пешими?

* * *

Не успел лейтенант сдать дежурному офицеру рапорт о неудачной вылазке, как тот обрадовал его известием о новом назначении – и опять с фуражирской партией! Снова деревни, где из-за каждого плетня встречают их ненавидящие взгляды; снова опостылевшие, но от того не менее кровопролитные стычки с казаками и вооружёнными дубьём пейзажами – хотя, надо признать, на фоне охваченной пожаром Москвы это выглядит почти терпимо. Правда, этот раз д'Эрвалю предстояло сопровождать не скромный обоз с конвоем в сотню-полторы штыков и сабель, а большой отряд с артиллерией – маршал Ней, устав получать донесения о вырезанных малочисленных партиях, велел решить вопрос кардинально и послать за провиантом и фуражом такой отряд, о который обломают зубы любые партизаны.

Столь последовательными назначениями в одну фуражирскую партию за другой лейтенант был обязан одному своему качеству, весьма редкому у прочих своих соотечественников. Дело в том, что он немного владел русским языком – по большей части, читал, но немного мог и говорить. Как, почему гасконский дворянин овладел речью диких восточных steppes –

это была давняя семейная история, делиться которой он не собирался даже с вышестоящим начальством. Оно, впрочем, не слишком-то и настаивало: обычно в качестве проводников и сопровождающих, способных объясниться с местными жителями, привлекались поляки, но раз этими талантами обладает француз – тем лучше. Пусть отдувается, раз уж он такой полиглот! Д'Эрваль в свою очередь не возражал, пользуясь всяким поводом, чтобы улучшить свой разговорный русский. Смущало, правда, что собеседниками его были, по большей части, неграмотные, туповатые пейзаны с крайне бедным словесным запасом – но тут уж, как говорят в Гаскони, „A cheval donne, on ne regarde pas la dent⁴...“

Отправляться следовало назавтра с утра, так что немногие оставшиеся ночные часы следовало посвятить отдыху и приведению в порядок потрёпанной амуниции. Обычно этим занимался Пьер, сорокалетний отставной солдат, уроженец деревеньки, расположенной неподалёку от имения д'Эрвалей, сопровождавший лейтенанта во всех кампаниях. Но во время недавней вылазки он получил сабельный удар, и сейчас пребывал в госпитале – так что рассчитывать приходилось только на себя. На действительно важные дела, те, ради которых он и явился в эту проклятую богом азиатскую страну, времени опять не оставалось, и это угнетало гасконца чрезвычайно. При штабе Нея ходили упорные слухи, что Император намерен оставить Москву и двинуться на юг, в богатые хлебом губернии, а значит, достижение заветной цели опять отложится на неопределённый срок...

С этими невесёлыми мыслями лейтенант и шагал по бесконечному коридору одного из кремлёвских дворцов, когда услышал за спиной оклик, обращённый к его персоне.

– Лейтенант д'Эрваль? Вы-то мне и нужны! Я два дня вас разыскиваю, при штабе маршала мне сказали, что вас нет в городе. Скажите, вы до сих пор интересуетесь пропавшей библиотекой московских царей?

Опиньяк! Очкарик-учёный с длинными, сальными, как у студента-якобинца волосами, ну конечно! За суетой этих двух недель д'Эрваль позабыл о том, что обращался к нему за помощью.

– Разумеется, нет, мсье! Служба, сами понимаете, времени на личные дела совершенно не остаётся. Неужели вам удалось что-то выяснить?

Физиономию Опиньяка осветила самодовольная ухмылка.

– Признайтесь, вы ведь в это не верили? Полагали, что ничего у такого кабинетного червя, как я, не получится?

„...прямо-таки лучится от самодовольства! Неужели, и правда, сумел?..“

– Что вы, мсье, как можно! Я чрезвычайно высокого мнения о ваших способностях, просто...

– Не хитрите, юноша, это вас не красит. Я отлично знаю, что болтают обо мне завистники, так что можете не утруждаться. Да, мне действительно удалось кое-что разузнать. Надеюсь, вам это поможет. Понимаете, Император лично распорядился, чтобы я снял архитектурные планы с Кремля, не исключая и подземных помещений, которые здесь на редкость обширны и запутаны. И вот что мне удалось выяснить...

И он потянул из-за отворота сюртука уже знакомые д'Эрвалю записную книжку и карандаш.

IV

В своих ожиданиях я несколько не ошибся. Не успели стихнуть вечерние звуки в усадьбе Васильчиковых, как в мою дверь тихо, по мышинному, поскреблись. Я вскочил – на пороге возникла женская фигура в ночной рубашке до самого пола и с чепцом на волосах. В руке свеча в

⁴ (фр.) дарёному коню в зубы не смотрят.

крошечном подсвечнике, дрожащий огонёк прикрыт ладонью. И не побоялась же, что её заметят лакей или дворовая девка, сунувшиеся в неурочный час в коридор хозяйского крыла... Хотя – что я знаю о нравах помещичьих усадеб? Может, у них тут так заведено, не на пустом же месте сочинялись анекдоты о барыне, гусаре и кучере.... В конце концов, Наталья Петровна вдова, а мимолётная интрижка с проезжим гусарским поручиком (ну хорошо, в моём случае, студентом-вольнопёром) вполне вписывается в классику сельской жизни – тем более, что означенный вольнопёр есть героический защитник престол-отечества, направляющийся с важным заданием в район боевых действий. Как тут не проявить всё возможное, пусть и нарушающее некоторые нормы христианской морали и нравственности, гостеприимство?

Детали опушу исключительно из соображений скромности. Скажу только, что очаровательная хозяйка имения похоже, всерьёз изголодалась от вдовьей своей доли, да и я сам с самого того момента, как оказался в прошлом, был совершенно лишён естественных плотских удовольствий. Ну, неважно с „бабским контингентом“ в лагере действующей армии, а затаскивать на сеновалы пейзанок, как это и положено делать гусарам на постое, мне, видимо, воспитание не позволяет.

Но – довольно досужих рассуждений. После того, как Анна Петровна, изрядно вымотанная ночными забавами (двадцать один год, помноженный на сексуальный опыт пятидесятилетнего мужика – это вам не баран чихнул!), удалилась к себе в покои, я внезапно осознал, что совсем не хочу спать. Не помогли ни хлопотный день, ни конный переход, ни обильный ужин, ни даже эротические упражнения, стоившие и мне немало сил. Сон не шёл, я встал, некоторое время посидел на широченном мраморном подоконнике, рассчитывая, что студёный ночной воздух прогонит бессонницу прочь. Но она упорно не сдавала своих позиций; тогда я запалил новую свечу от дотлевавшего огарка, оставленного в комнате сладкой вдовушкой, и принялся листать, нашедшуюся на столике книжку – изданный в Париже томик любовного содержания. Увы, моё убогое знание французского не позволило продвинуться дальше разворота с довольно-таки фривольной картинкой (ах, Наталья Петровна, ах, затейница!) – и я, осознав, тщету своих усилий, улёгся на постель, закинул руки за голову и предался воспоминаниям. Красноватый диск луны – ночному светилу до полной фазы осталась одна ночь, – заглядывая в окошко, навевал подходящее к случаю настроение.

Итак, с провала в век девятнадцатый минуло немногим больше месяца. Причём, в отличие от большинства попаданческих романов, которых я в своём времени проглотил несчитано, перемещение это шло... как бы это назвать поточнее... ступенчато. Всё началось с того, что я из лесного лагеря студентов-поисковиков под Вязьмой перенёсся в некую „туманную комнату“ без стен с единственным креслом, где бестелесный голос объяснил мне предстоящую задачу: хоть тушкой, хоть чучелком, а предотвратить попытку изменения прошлого, которую намерен произвести ещё один, такой же, как я, попаданец. Причём никакой конкретики, включая целевую эпоху и характер предстоящего МНВ (привет старине Айзеку Азимову с его „Концом Вечности“) названо не было – думай, что хочешь. Но особо долго гадать мне не дали – следующий „временной скачок“ забросил моё сознание в 31 декабря 1979-го года, в собственное молодое тело, справляющее Новый Год в компании студентов-туристов в сельской библиотеке – и, что характерно, под той же Вязьмой. Это уже никак не могло быть совпадением, но не успел я выстроить хотя бы наскоро теории о том, что мне предстоит менять в наступающем олимпийском году, как снова „накрыло“. Очередной, третий по счёту „перенос“ отправил меня вместе со спутниками-студентами, зданием клуба-библиотеки со всем содержимым, включая сельский краеведческий музей и стоящий на заднем дворе трактор Т-16, в самое начало сентября 1812-го года. И вот тут-то, друзья, и началось самое интересное...

Всего компания попаданцев насчитывала одиннадцать человек, не считая кота Даськи. Заведующая библиотекой, моя родная тётка Дарья Георгиевна и её сердечный друг, совхозный тракторист дядя Вася; девять туристов: руководитель похода, альпинист-четверокурсник Лёха,

Дима Гнедин, секретарь комитета комсомола курса и по совместительству, мелкий фарцовщик, сибиряк Генка Мартынов, студент из Польши Гжегош Пшемандовский. Ну и я, студент второго курса Никита Витальевич Басаргин. Женская часть туристической группы была представлена настоящим интернационалом: студентка из Болгарии Матильда Брейер, её сокурсница из солнечной республики Алжир Далия Брахими и наша соотечественница Людочка, студентка медучилища.

Опуская большинство деталей, скажу только, что ларчик с заданием, полученным в „туманной комнате“, открывался совсем просто. Неведомые затейники от хронофизики рассчитывали, что роль сакраментального МНВ (Минимально Необходимое Воздействие из упомянутого уже фантастического романа „Конец Вечности“), сыграет не что иное, как книги из совхозной библиотеки, а точнее – научно-популярные и художественные произведения, связанные, так или иначе, с историей девятнадцатого века. Что ж, задумано толково: попади хотя бы труд историка Тарле „Наполеон“ в руки того, о ком эта книга была написана – события, и правда, могли бы свернуть в другую колею. Тем более, что все условия для этого были созданы: поляк Гжегош оказался, как и ваш покорный слуга, попаданцем „с двойным дном“ – взятый из начала третьего десятилетия двадцать первого века, он тоже был реконструктором наполеоники и фанатичным патриотом Речи Посполитой, готовым на всё ради её неслучившегося триумфа. Ну а если при этом есть возможность ещё и насолить ненавистным москалям – совсем хорошо.

Для того, чтобы повернуть этот трюк, Гжегош прибег к помощи французов – и совсем, было добился своего, убедив су-лейтенанта, возглавлявшего фуражирскую партию, наплевать на поиски провианта и сена и срочно доставить содержимое библиотеки в ставку Императора – но тут в события вмешался автор этих строк. И тоже не один, а с группой поддержки в виде моего нынешнего спутника поручика Сумского гусарского полка Никиты Ростовцева, явившегося в семейное имение, чтобы увезти подальше от войны родителей и сестру. Бравый поручик выслушал попаданцев, подивился на артефакты из будущего в виде велосипедов и револьвера системы „наган“ – и поверил. А поверив, убедил полковое начальство позволить сформировать партизанскую партию из казаков и гусар его эскадрона.

Дальнейшее стало, что называется, делом техники. Лихие гусары разгромили в пух и прах фуражирский обоз; драгоценное содержимое библиотеки после некоторых колебаний было предано огню, что, вроде бы, должно было поставить жирный крест на планах изменения истории. Однако Гжегош оказался не так-то прост: предвидя подобную развязку, он нагрузил самые важные тома на отдельную телегу и повёз её другим путём, через болота. И снова его преследовали неудачи: отряд казаков и взявшихся за вилы мужичков из соседней деревни догнали их, дали прямо на болотах бой и вынудили поляка бежать, утопив воз с его драгоценным содержимым в трясине.

А дальше пути попаданцев разошлись. Гжегош пристал к польским уланам; бежала со своим любовником, французским су-лейтенантом и алжирская студентка Далия, решившая таким образом устроить свою судьбу в чужом, непонятном мире. Альпинист Лёха погиб, Гена Мартынов словил пулю в ногу, но сумел выкарабкаться. Матильда, Мати, моя давно забытая любовь, пристала к семье Ростовцевых, отправившихся в другое своё имение. Кроме неё, в графском обозе ехал раненый сослуживец поручика барон Вревский – и на него у лишённой предрассудков Мати имелись некоторые планы. Комсомольский вожак сгинул неизвестно куда; тётка-библиотекарша решила вспомнить свою партизанскую молодость и вместе с дядей Васей, медсестрой Людочкой и Генкой Мартыновым присоединилась к крестьянам села Будищи, сколотившим партизанский отряд. В довесок с этой компании партизаны получили мощное подкрепление в виде трактора Т-16, переделанного в кустарный броневик. Что касается меня, то мы с Рафиком Данеляном остались с гусарами Ростовцева, приняли участие в Бородинском сражении, вместе с ними вошли в состав партизанского отряда Сеславина – и спустя несколько

недель сумели-таки дотянуться до воза с книгами, спрятанными Гжегошем. Я схватился с поляком на клинках, сумел его одолеть – и к удивлению Ростовцева отпустил. А чему удивляться? Без книг серьёзного влияния на ход истории он оказать, пожалуй, не сможет – тем более, что выяснилось, что эта история, как оказалось, не совсем наша. С Гжегошем мы расстались... не друзьями, конечно, но потенциальными союзниками. Уж очень хотелось выяснить, кто втравил нас (а заодно и десяток ни в чём не повинных людей) в эту дикую историю с перемещениям во времени. Видит бог, у нас обоих есть, что им предъявить...

* * *

За сладкими мыслями о предстоящей мести неведомым инопланетным (а может стать, даже иномирным?) экспериментаторам, я не заметил, как провалился в сон. Это было почти забытое ощущение: спать на чистых простынях, на мягчайших перинах, под пуховым одеялом. Ничего подобного в моей походной жизни не случалось уже месяц, если не больше, и я разнежился настолько, что с трудом отреагировал на залиvistую трель местного будильника – здорового красно-чёрного петуха, расхаживавшего по двору с видом законного хозяина здешних мест.

– В суп тебя, проклятого! – с ненавистью буркнул я, испытывая острейшее желание наплевать на планы раннего отъезда и снова завалиться спать.

Пора было, однако, вставать. Завтрак уже дымился на столе в гостиной, и хозяйка дома пустила слезу, прощаясь с гостями: „после войны обязательно приезжайте погостить, господа, буду рада...“ Огненные взоры, которые сладкая вдовушка нет-нет, да бросала на меня из-под скромно приспущенных ресниц, говорила, в чём именно выразится эта радость...

В итоге мы тронулись в путь только в половину восьмого утра, безнадёжно выбившись из намеченного графика. Чемоданы и седельные сумки топорщились от свёртков с разного рода аппетитной снеди и бутылок – „подорожники“, собранные нашей гостеприимной хозяйкой. Ростовцев, обо всём, конечно, догадавшийся (гусар, как-никак!), усиленно меня подкалывал и пытался расспрашивать о подробностях минувшей ночи. В ответ я хмурился, изо всех сил стараясь принять суровый, независимый вид – не хватало ещё предстать перед боевым товарищем в образе жиголо, охмуряющего состоятельную дамочку бальзаковского возраста! А сам волей-неволей задумался: шутки шутками, а случись что с Ростовцевым – имение милейшей Натальи Петровны может послужить хотя бы временным убежищем. Кому придёт в голову искать попаданца в таком медвежьем углу? Да и хозяйка порадует возможности без помех потешить свою женскую природу...

День прошёл без приключений. Не желая загонять лошадей, мы двигались, чередуя крупный шаг со строевой рысью, и вполне могли бы к полуночи добраться до цели нашего вояжа. Но Ростовцев решил не рисковать и сделать небольшой крюк, заночевав в селе Воскресенское, имении старинного приятеля его отца, гофмейстера двора Его Императорского Величества графа Тюфякина, от которого до сельца Павлово оставалось ещё вёрст двадцать. Самого графа в имении не оказалось, он был в Петербурге, где исполнял нелёгкие обязанности вице-директора Императорских театров. Управляющий Ростовцева в лицо не знал, но, увидев гусарскую форму и услышав грозное „коней вели обиходить и накормить, кан-наля, а нам – чтоб сейчас ужин и постели!“ – спорить с важными гостями не рискнул.

За грозным окриком последовали неизбежная суета дворни, потом – обильное застолье и мягкие постели. На этот раз мы тронулись в путь в пять утра, едва проглотив завтрак. Перед отъездом Ростовцев потребовал у управляющего два комплекта крестьянского платья. Тот удивлённо крикнул – „чего только придумают господа!“ но принёс требуемое. Из Воскресенского мы выехали в облике то ли зажиточных крестьян, то ли мелких купцов: суконные армяки, поддевки и порты из полосатой бело-синей льняной ткани с хорошими козловыми

сапогами. Сабли и пистолеты предусмотрительно завернули в тряпицы, а форменные гусарские вальтрапы прикрыли потёртыми попонками, позаимствованными на конюшне. Сделано это было по моему настоянию: окрестности Богородска сейчас под плотным контролем партизан Герасима Курина, а я хорошо помнил, что в прошлой истории мужички-богоносцы слабо заморачивались вопросами патриотизма и далеко не всегда давали себе труд отличить французский мундир от русского. Рассуждали просто: пори вилами всех, Господь на небесах разберёт, тем более, что богатую добычу можно взять с офицера, и неважно, какому из двух Императоров тот служил при жизни...

V

Нам повезло: на просёлочной дороге мы нос к носу напоролись на разъезд павлоградских гусар. Их бирюзовые с алыми шнурами ментики поверх зелёных доломанов поручик узнал издали, а узнав – приподнялся на стремянах и радостно замахал шапкой. Я же, извернувшись в седле, полез в седельный чемодан за фуражкой и форменной курткой, перешитой из старого, поношенного доломана – скрывать наше подлинное обличие больше не имело смысла.

Старшим у павлоградцев оказался совсем юный корнет, живо напомнивший мне нашего Веденякина – безусый, румяный, пухлые щеки с девичьим пушком. Узнав, кто мы такие, он подобрался, поприветствовал Ростовцева, вскинув ладонь к киверу, и поручик, после секундного колебания ответил тем же, коснувшись кончиками пальцев меховой оторочки своей суконной крестьянской шапки. На бумагу, выданную поручику в ставке светлейшего, корнет даже не взглянул: „вот приедем, отдадите господину штаб-ротмистру, а мне недосуг сейчас разбирать!“ – и повернул коня, сделав знак следовать за собой. Мы подчинились, причём я обратил внимание, что двое из четырёх гусар поехали за нами следом, как бы невзначай положив ладони на торчащие из ольстров пистолетные рукоятки. Корнет-то молодец – хоть и молод, а службу помнит и бдительности не теряет.

До богатого села Павлова, где встали на постой павлоградцы, оставалось вёрст семь. По дороге мы разговорились, и корнет – фамилия его была Алфёров, из помещиков Екатеринославской губернии – объяснил, что полк их вообще-то, состоит в Третьей обсервационной армии генерала Тормасова. Эскадрон же, в котором корнет числится субалтерном, занимался набором в подмосковных губерниях рекрутов, и когда части маршала Нея заняли город Богородск и стали рассылать по всему уезду фуражиров – были подчинены начальнику Владимирского ополчения, князю Голицыну. О крестьянском воинстве Герасима Курина он рассказывал много и с подробностями.

– ...сбились, значит, местные мужички – а они тут зажиточные, из государственных крестьян, крепости отродясь не нюхали – в дружину самообороны. Начальствовать над собой выбрали главных заводил, местных жителей, Курина Герасима и Егора Стулова, и на сходе порешили задать лягушатникам перца. Неделю назад распустили крупный обоз в сельце Большой двор – взяли пленных, две обозные телеги, да ружей с десятков. О конфузии доложили Нею, тот осерчал и велел примерно мужичков наказать. Но не тут-то было: Курин со товарищи успели собрать тысячи три пешего войска и с полтысячи верхоконных.

– Три тысячи, и ружья есть? – восхитился Ростовцев. – Так эти мужички выходят героями! Не всякая армейская партизанская партия такими успехами может похвастать!

О наших верных союзниках, будищевских „партизанах с мотором“ он благоразумно умолчал. Похоже, распоряжение главнокомандующего о переброске отряда в Богородский уезд, на помощь, пропало втуне – здесь и без них неплохо обходятся. Пока, во всяком случае.

– Да уж герои... – корнет иронически хмыкнул. – Мужички, как застали французов врасплох, так сразу силу свою почуяли. Раньше-то они жили тишком да молчком, работу свою работали, в церкви молились да в кабаках хлебное вино хлестали по престольным праздникам.

А тут – хватай дрекольё, разбивай обоз, воинских людей режь почём зря! Ещё и с барышом останешься: лошади, телеги, добро – французы-то не налегке шли... Ружья, опять же, с саблями и пистолетами немалых денег стоят. Почесали мужички затылки: „как, выходит, хорошо-то воевать: и прибыток тебе, и от начальства почёт и награда, глядишь, выйдет!“ А супостаты сплошь в красивых мундирах, сукнецо, добрые шинели, башмаки юфтевые, сапоги, – далеко не всякий мужик, хотя бы из зажиточных, такую одежду построит. Как не повоевать, раз такая выгода!

Дорога вскарабкалась на бугор, с которого открылся вид на окрестные поля с перелесками. Едущий рядом со мной гусар приподнялся на стременах, вглядываясь. Примерно в версте впереди, пылили двое всадников, направляясь туда же, куда и мы с павлоградцами.

– Куринские. – определил корнет. – Мужичья, прости господи, кавалерия. Сабель-то у них на всех не хватает, да и рубить клинком с седла – тут навык нужен. Так они, черти, удумали сажать косы торчком, навроде косинеров Костюшки, и вооружать ими своих всадников.

Услыхав о польских повстанцах, Ростовцев удивлённо приподнял брови – корнет был слишком юн, чтобы принимать участие в подавлении польского восстания 1794-го года. Юноша намёк понял и щёки его слегка попуноцвели.

– Это мне батюшка рассказывал. Он служил в корпусе генерал-поручика Ферзена, командовал егерским батальоном. В деле у под Мацеёвиц был ранен, лишился руки, и с тех пор безвылазно живёт в имении.

– Мой отец тоже был в польском походе. – сказал Ростовцев. – Только он у графа Суворова был, начальником артиллерии. Ну да дело прошлое, корнет – что вы там о наших пейзажах рассказывали?

– Ну вот, отбили, значит, мужички село Большой Двор... – торопливо продолжил юноша, обрадованный переменой темы. – Но там в то время были не французы, а вюртембергцы из корпуса Нея. Немцы, известное дело, народ основательный, злопамятный. В отместку они спалили деревеньку Степурино, повесили одного из тамошних заводил – а может, и не заводил, кто теперь разберёт... Куринцы сгоряча и их оттуда выбили взашей, а потом дотумкали, что дело-то может обернуться куда как худо – в следующий раз супостат может полком заявиться, даже и при пушках! Вот Курин со Стуловым и кинулись к князю Борису Андреичу Голицину, подмогу вымаливать. Тот поначалу хотел весь наш полуэскадрон с ними отправить, но полковник Нефёдов отговорил – мол, самим надо, куда с одной пехотой? В итоге в помощь самооборонцам выделили две дюжины казачков Денисова полка да столько же наших гусар под командой штаб-ротмистра Богданского. К нему-то мы сейчас и едем. Недалеко уже осталось – во-он за той рощицей оно самое Павлово и есть...

И он указал на редкий перелесок, за которым рисовалась на фоне блёклого октябрьского неба колоколенка сельской церкви.

* * *

В Павлово мы задерживаться не стали. Не застав там Богданского – штаб-ротмистр передислоцировал свой отряд в село Большой Двор, на соединение с главными силами куринцев – мы дали передохнуть лошадям, наскоро перекусили от щедрот местного старосты и двинулись следом за павлоградцами. Проводниками с нами отправились двое мужиков, тех самых, которых мы видели давеча на дороге. Тот, что постарше, крестьянин одной из окрестных деревень носил имя Герасим (я едва не поинтересовался, есть ли у него собака, и не Муму ли её кличут) с физиономией, до самых глаз заросшей чёрной, с проседью, проволоочной бородой. Сидел он на неказистой, лохматой, словно дворовая собака Жучка, кобылёшке „охлюпкой“ – седло заменял кусок овчины, прихваченный подпруги, а вместо стремян ноги в лаптях с онучами Герасим вдевал в верёвочные петли. Вооружён он был упомянутой уже косой

в дополнение к французскому сапёрному тесаку со страхолюдной пилой на обухе, продетом, за неимением ножен, в лыковую петлю.

Второй сопровождающий, житель Павлова по имени Гнат, был лет на десять моложе. Он мог похвастать куда более богатым снаряжением. Лошадь его, явно трофейная, приученная ходить в строю, красовалась под хорошим седлом, которое Ростовцев объявил французским, строевым. Сам всадник щеголял в четырёхугольной красного сукна шапке и гусарском ментике со споротыми шнурами. На вопрос ростовцевского ординарца Прокопыча, зачем он испортил эдакую красоту, Гнат ответил: „а как же не спороть-то? Наши мужички как увидят шнурки – разбирать не станут, оглоушат ослопом, как прочих ханцузов. А те шнурки я Матрёне отдал, младшенькой своей, кровиночке – она, даром что несмышлёная, всего пять годков от роду, а до всякого рукоделья шибко охочая. Пу-ущай порадуетя!..“

Вооружился Гнат на зависть любому „самооборонцу“. Вместо косы пика, настоящая, уланская, с двуцветным красно-белым флажком-флюгаркой на красном древке и с кожаной петлёй для руки; на поясе – драгунский французский палаш в жестяных ножнах, когда-то блестящих, а теперь обильно тронутых рыжей ржавчиной. Из-за кушака высывался старинного облика пистолет – судя по форме ручки и уцелевшим кусочками перламутра, некогда составлявшим богатую инкрустацию, персидской или турецкой работы.

– На Сухаревке пистолё-то укупил? – спросил Прокопыч, разглядывая грозное оружие. Гнат успел похвастать, что до „пришествия Бунопартия“ частенько ездил в Москву – возил на продажу платки и шёлковые шали с ткацкой фабрики, которую держит его брат и трое других жителей Павлова, тоже промышляющих ткацким ремеслом. „Потому, мне доверие есть! – говорил он. – Весь товар распродам, всё, что велено, закуплю на рынке, ни на полушку в обман не введу!“

– Знаю мы енту Сухаревку! – буркнул Герасим, услышав вопрос Прокопыча. Я уже успел заметить, что крестьянин недолюбливает своего зажиточного „соратника“ и не упускает случая его подколоть. – Оне всем селом в Москву ездили. Как войско и жители ушли по распоряжению ихней светлости градоначальника графа Растопчина, так павловския сейчас поклались на телеги и в город поехали.

– Грабить, што ль? – понимающе ухмыльнулся Прокопыч.

– А то как же! Добро-то брошено, бери, не хочу! Небось, не хватится никто...

– А не испугались, что лошадей французы отнимут? – поинтересовался уже я. Мне было, конечно, известно – и из книг в прошлой жизни, и из рассказов московских беженцев в этой – что крестьяне подмосковных уездов не отказывали себе в удовольствии разграбить оставленный на произвол судьбы город.

Гнат собрался ответить и даже открыл до этого рот, но Герасим снова влез со своими объяснениями:

– А чего им пугаться-то барин? Ханцузы к ним с полным уважением: везите, мол, в город хлеб, муку, говядину и прочие припасы – всё купим! Да только не вышло у павловских прибытка, супостаты им негодными бумажками заплатили! А павловские и рады: вернулись домой, собрали по дворам, у кого что по сусекам запасено – и снова в Москву, торговать. Опосля полицейский чин из Владимира, от губернского начальства приезжал и растолковал, то за те негодные бумажки, буде кто ими расплачиваться вздумает, каторга выходит, Сибирь. То-то же воя да плача по павловским дворам стояло в тот вечер...

И захохотал, широко распахивая щербатую пасть. Горю соседей, попытавшихся нажиться на поставках и попавших впросак с фальшивыми купюрами, он явно не сочувствовал.

– Да уж, энтот объяснит... – буркнул себе под нос Гнат. Герасима он явно побаивался. – Брательник мой стал, было, расспрашивать, что да как, так его сейчас кулачищем в зубы!

– С вашим братом только так и надо! – отрезал крестьянин. – У людёв горе, супостат город разоряет, – а они грабить!

– И очень напрасно вы так говорите, дядечка! – осторожно возразил Гнат. – Рази ж мы какие злыдни? Взяли, что брошено – добро пропадает, не хранцузу же его оставлять?

– Уж у вас, храпоидолов, известно, не пропадёт! – ухмыльнулся Прокопыч. – Жители московские добро наживали, горбатились, что от родителей получено, берегли да приумножали, а вы и рады растаскивать. Как же, не пито-не едено, дармовой прибыток!

– А когда народ из Москвы бежал кто с чем – не вы ли за подводы втрое, вчетверо ломили? – перебил ординарца Герасим. Дискуссия задела его за живое. – Вот уж верно говорят: кому война, а кому мать родна! Хужей татар, право слово...

– Это мне-то мать родна? – не выдержал Гнат. – Это я-то хужей татарина? Да хранцузы кума моего из деревни Сепурины повесили до смерти! И два двора ишшо спалили – а ты на меня лаешься, будто я корысти ради, а не за веру отражаюсь! А ежели я за обидные да пакостливые слова в рыло те заеду?

Герасим почернел лицом и перекинул ногу через спину кобылёшки. Гнат, раззадоренный собственной решимостью, тоже прицелился соскочить с седла – и быть бы тут сече великой, если бы не Ростовцев, до поры до времени молча развлекавшийся назревающей склокой.

– А ну прекратить! – поручик говорил негромко, но тон его подействовал ссорящихся подобно ушату ледяной воды. – Кто из вас мер-р-завцы, вздумает сейчас кулачки поразмять – самолично прикажу выпороть! И никакой Курин вам не поможет, будь он хоть трижды ерой – сам же портки с вас сымет и под плети пристроит...

„Самооборонцы“ угрюмо косились на встрявшего нехоти офицера, но спорить, а тем более, выказывать неподчинение, не рискнули – в том, что Ростовцев он исполнит свою угрозу, сомнений ни у кого не возникло. Прокопыч же из-за спины барина строил зверские рожи и многозначительно похлопывал по ладони сложенной вдвое нагайкой.

– Да вы рожи-то не супьте... – продолжал поручик, уже примирительным тоном. – Не время сейчас лаяться промеж себя – не сегодня-завтра француз двинется из Богородска на ваш Большой двор – вот там и посмотрим, что вы за Аники-воины...

VI

Штабс-ротмистр Богданский нашему появлению не слишком-то обрадовался. Старый служака сразу сообразил, что речь идёт не о долгожданной подмоге, (какая может быть подмога, если дело ожидается уже назавтра, а потенциальное подкрепление до сих пор торчит аж в Вяземском уезде?) а о самой банальной инспекции. Но против воли начальства не попрёшь, особенно если та подтверждена бумагой за личной подписью главнокомандующего. Так что Ростовцев отправился на „военный совет“, который ротмистр назначил вместе с Куриным и его командирами, а нам с Прокопычем ничего не оставалось, как обустроиться на отведённом для постоя амбаре – избы в Большом дворе все были переполнены, а выселять, пользуясь нашим официальным статусом, постояльцев не хотелось. Обошлись сеновалом – благо ночи стояли тёплые, дождя не предвиделось, и в щелях крыши, кое-как прикрытых прошлогодней прелой соломой, проглядывало чёрное, в крупных, как вишни, звёздах, небо.

Ординарец Богданского, на которого ротмистр спихнул хлопоты по обустройству важных гостей, приволок охапку войлочных попон и овчин: „Устраивайтесь, господа хорошие, клопов на сеновале спасибо Николе-угоднику нет, не то, что в избах...“ Прокопыч сбегал к кострам, у которых гусары варили кулеш и вскоре вернулся с чугуном, полным ароматной, шкворчащей растопленным салом смеси пшёнки и мелко накрошенной репы. Под мышкой он волок четвертную бутылку с мутноватой жидкостью – „Ничо, вашбродие, пить можно. Я попробовал, чистый полугар!“ Я извлёк из седельной сумки нарезанное копчёное сало, полкруга домашней колбасы, надломленный пшеничный каравай и завернутые в тряпицу луковицы – остатки „подорожников“, взятых ещё в имении сладкой вдовушки Натальи Петровны и в ожидании

Ростовцева мы принялись за трапезу. Прокопыч раскурил трубочку и принялся попыхивать, выпуская клубы голубого дыма. Мы, прикончив больше половины кулеша и основательно приложившись к „полугару“, наслаждались заслуженным отдыхом. Прокопыч пристроил на приколоченной вдоль стены доске огарок в жестяном, с закопченными до непрозрачности стёклами, ручном фонаре. Я, увидав это приспособление, слегка напрягся – не дай Бог искра, или кусок тлеющего фитиля, вокруг-то сухое, как порох сено! Но обошлось; дрожащий язычок пламени отбрасывал на стены амбара уютные оранжевые сполохи, и в их свете я принялся изучать бумажку, прихваченную в штабной избе Богданского – ещё до того, как меня оттуда вежливо, но настойчиво выставили.

На грубой серой бумаге, пахнувшей ладаном и воском, теснились строчки церковного полуустава. Читать тексты, написанные старым стилем, со всеми этими „ятами“ „ерами“ и „фитами“ я уже научился прилично, но тут мои способности дали сбой. Буквы, вроде бы, знакомы, отдельные слова тоже – а вот в осмысленный текст они складываться никак не желали.

Прокопыч, заметив мои страдания, взял бумажку, развернул, разгладил на колене.

– Дьячок местный писал. Он у Курина со Стуловым вроде штабного писаря и полкового священника: и приказы строчит, и молебен перед каждым делом молебен служит на одоление супостаты. А грамотки те по деревням рассылают – вообразили, вишь, себя новыми князем Пожарским и Козьмою Мининым!

Ординарец повернул листок так, чтобы на него падал тусклый свет из фонаря.

„Любезные друзья!

Вы народы Веры русской, вы крестьяне православные, вы стараетесь за Веру, умирайте за царя. Для чего ж мы есть крестьяне, чтоб за Веру не страдать. Для чего ж мы православны, чтоб царю нам не служить? Государь наших сердец, что родной он нам Отец, если он про нас спознает, без награды не оставит...“

Скрипнула дверь. Я обернулся – на пороге стоял Ростовцев, босой, с сапогами и саблей под мышкой, в сбитой на левое ухо фуражке. От поручика ощутимо тянуло самогоном. Прокопыч торопливо вскочил, поставил на попа большую плетёную корзину. Поручик присел, крикнул, устраиваясь поудобнее. Ординарец принял вещи, бросил на сено и протянул начальству чугунок с торчащей из него ложкой.

– Не надо, я уже повечерял у ротмистра. – помотал головой поручик. – А вы, я вижу, уже причастились? Наливай тогда, и на боковую, завтра предстоит горячее дело. Авангард Нея на подходе. Встали на ночь неподалёку, в деревеньке Грибово – казачки уже успели побить разъезд вюртембергских конных егерей и даже пленного взяли. Говорит, большой отряд идёт, с батальоном пехоты и четырьмя шестифунтовками. Так что без драки никак не обойтись.

– Может, зря мы тогда не дождались наших? – спросил я. – „Бронепердунок“ аргумент серьёзный: разок-другой плюнуть огнесмесью по пехотному строю, да так, чтобы всем вокруг видно было – побегут, как миленькие, просто от ужаса и непонятности. Да и гусары с казачками не помешали бы, у нас сабель уж точно, не меньше, чем у Богданского...

– Так-то оно так. – Ростовцев покачал головой. – Но только французы ждать не станут. Даже если двигаться ускоренным маршем, да обойдётся без происшествий и стычек по пути, раньше, чем через три дня отряду до Павлова не добраться. Да и топлива сколько пожгут, сами же говорили – взять его негде.

– Ну, положим, если постараться, то замену мы сыщем. Биодизель, скажем, из льняного масла набодяжить... короче, варианты есть. А по срокам – да, боюсь, вы правы. Разве что, убедить Курина отдать Большой Двор и отойти в ожидании подкреплений? Объяснить, что потери будут меньше, то да сё...

Ростовцев покачал головой.

– Даже и думать нечего. Курин и его мужички село нипочём не отдадут. Народишко упрямый, злой, к тому же – силу за собой почуяли. А сам Курин ещё и славы жаждет и похвалы от начальства – если разобьёт авангард Нея без дополнительных подкреплений, то весь почёт ему выходит. Так что, все решится завтра, а сейчас – спать!

* * *

Сон никак не шёл. Не помогала даже смертельная усталость после изнуряющей скачки, когда меньше, чем за сутки д'Эрваль добрался до небольшого села, занятого французским авангардом. Как он ухитрился при этом не загнать своего ганноверского жеребца – оставалось только гадать... В-общем, поворочавшись с полчаса на лавке в душной, вонючей крестьянской избе, лейтенант не выдержал и, накинув поверх рубахи, шинель вышел во двор.

Здесь повсюду догорали костры, маячили возле покосившейся жердяной изгороди обозные фуры, стояли составленные в козла ружья. Возле коновязи фыркали притомившиеся за день лошади, пахло супом, неизменным походным блюдом французской армии, одобренным на этот раз добытой у местных пейзаз говядиной. Кучки солдат гомонили у огня по-немецки и гасконец, услышав их гортанную речь, скривился. Адьютант самого маршала – важная птица, вот только вымотанным долгим дневным маршем и постоянным ожиданием налёта русских герильясов солдатам (это были вестфальские пешие егеря из корпуса Нея) было на него решительно наплевать. Никто не подвинулся, не позвал лейтенанта к огню, не сунул в руку кружку подогретого вина с щепоткой корицы. Не то, чтобы ему так уж хотелось есть – перед сном он перекусил куском грубого ржаного хлеба и ломтём сала с луковицей – но как же с солдатским товариществом, свойственным всем, кто служит в рядах Великой Армии? Впрочем, глупо ждать от немцев приличных манер, или хотя бы простой доброжелательности по отношению к французскому офицеру... Унижаться же до просьбы пустить погреться у огня, не хотелось. Оно конечно, *Liberte, Egalite, Fraternite*⁵ – но, кто такие эти колбасники, чтобы их упрасивал о чём-то потомок одного из древнейших гасконских дворянских родов?

К ночи заметно похолодало. Октябрь есть октябрь – тем более, здесь, на бескрайней русской равнине, где снег, как говорят, выпадает уже в ноябре. Д'Эрваль постоял у задней калитки, наблюдая за струящейся позади огородов речушкой. Огляделся, обнаружил на берегу низенький стожок сена, неведь как избегшим внимания фуражиров и не пошедший на солдатские постели. Это прибежище показалось предпочтительнее крестьянской избы – здесь хотя бы не смердело скисшим капустным супом и прелыми тряпичными обмотками, которые русские пейзазаны наматывали поверх своих плетёных из полос коры башмаков – обмотки эти именовались непроизносимым словом „onuchi“. Гасконец устроился в стогу, завернувшись в шинель. Мелькнула мысль сходить к коновязи, где сох на жердине его вальтрап, но по здравому размышлению от идеи лейтенант отказался – пока будешь ходить, набредёт со двора притомившийся стрелок и займёт такое удобное место. Не в склоку же с ним вступать, козыряя офицерским чином...

Сон всё не шёл. По небу, закрывая россыпи звёзд, проплывали редкие облачка, и д'Эрваль подумал, что бессонница его какая-то необычная, тревожная – ворочается внутри эдакий червячок и грызёт, грызёт, предупреждая... о чём? Вряд ли о грядущей смерти – конечно, завтра предстоит жаркое дело, но ему, как присланному из штаба маршала адъютанту, совершенно незачем лезть в первую линию и скрещивать свой клинок с дрекольем местных пейзаз. Но червячок всё ворочался и грыз, и тогда он засунул ладонь за ворот рубашки и нащупал тонкий витой шнурок, на котором висел небольшой, отлитый из бронзы, крест.

⁵ (фр.) Свобода, равенство, братство – лозунг Французской революции, популярный и в армии Наполеона.

В окрестностях Табра семью д'Эрвалей спокон веку почитали, как добрых католиков, несмотря на то, что во время гугенотских войн тогдашний глава семейства присоединился к свите Генриха Бурбона – будущего короля Франции Генриха Четвёртого. Здесь же, в армии Наполеона религия была не в чести, и мало кто обратил бы внимание на странную форму крестика. На первый взгляд ничего необычного – четыре одинаковые расширяющиеся лопасти, как у креста мальтийских рыцарей, только не раздваивающиеся, а а оканчивающиеся тремя зубцами, чем-то напоминающими древнюю геральдическую корону. Сходство усиливали шарики на каждом из „зубцов“, и у любого католического священника наверняка возникло бы к владельцу этого креста немало вопросов. Но где, скажите, взяться этому самому священнику на биваке вестфальских стрелков, которые, к тому же, сплошь кальвинисты, и в католических символах разбираются, как русская хрюшка в греческих оливках?

Вот уж удивились бы сослуживцы лейтенанта д'Эрваля, увидав, что он, вытащив крестик, сначала благоговейным жестом приложил его ко лбу, а потом поцеловал и принялся что-то шептать под нос на незнакомом языке! Но любопытствующего рядом не случилось, и некому было поинтересоваться, что за странный религиозный обряд отправляет лейтенант. Впрочем, свобода совести и вероисповеданий – несомненное завоевание Французской Революции, и в армии к нему относились с неизменным уважением. Хочет бормотать – пусть бормочет, его законное право...

Лейтенант закончил читать молитву и спрятал крестик за пазуху. Обязательно надо остаться завтра в живых. Нет, смерти он не боялся – но в этом случае клятва, которой уже седьмой век следует род д'Эрвалей из Гаскони, останется неисполненной. Потому что он последний, кто может сделать всё, что нужно – и видит Бог, речь идёт отнюдь не о поисках какой-то там книжонки, напечатанной, к тому же, немцем.

Должен сделать, потому что – больше некому.

VII

На телеге стоял высокий, с окладистой бородой, мужчина. Вокруг плотной толпой сбились мужики – суровые, обвешанные ружьями, саблями и пистолетами. Личная гвардия Герасима Курина, его телохранители и последний резерв на самый крайний случай.

– Сам Курин, – подтвердил стоящий рядом казак. – А енти, рядом с ним – дружки явонные. Отчаянный народишко, сущие разбойники!

Я покосился на запястье, где исправно тикали часы – „старые добрые “Командирские”, привезённые из двадцатого века. Семь-тридцать утра; базарная площадь перед церковью села Большой Двор битком набита людьми. Мы – десятка два гусар и столько же казаков – стоим верхами позади огромной, тысячи на полторы, толпы. В глазах рябит от армяков, кафтанов; некоторые “самооборонцы” щеголяют в синих солдатских сюртуках, уланских куртках, разноцветных гусарских ментиках и прочих предметах трофейного обмундирования – всё со споротыми эполетами, шнурами, галунами. Над головами колышется щетина самодельных пик, насаженных торчком кос и вил-тройчаток; кое-где мелькают длинные пехотные ружья с примкнутыми штыками и страховидные ослопы и цепи с билами, утыканными заострёнными железяками и вбитыми в дерево ржавыми подковами.

Стоящий на телеге человек поднял руку, гомон толпы стал стихать. Я ожидал, что голос его будет соответствовать внешности – зычный, низкий, как и полагается народному вождю. Но Курин заговорил высоким, срывающимся тенором:

– Любезные друзья, постараемся за отечество свое и за дом пресвятые богородицы. Неприятель грозит наше селение предать огню, а нас в плен побрать и с живых кожи поснимать за то, что мы ему неоднократно упорствовали сражением!

Он старательно выговаривал слова, и мне пришло в голову – а не зазубрил ли он речь заранее, по бумажке, написанной дьячком-писарем?

Курина на телеге сменил тщедушный попик в обтрёпанном подряснике. Плешь на голове, обрамлённую редкими пегими волосами, прикрывает колпак-скуфейка, борода редкая, седая, смешно торчала вперёд. И тут же с колокольни Воскресенской церкви загудела медь, крестьяне стали стаскивать шапки, обмахивались крестными знаменами, опускались на колени. Я огляделся – казаки с павлоградцами истуканами сидели в сёдлах, обнажив головы.

А попик выводил:

– Скорый помощниче всех усердно к тебе прибегающих, святой благоверный великий княже Александре! Ты в житии твоём ревнитель и защитник православный веры был еси: и нас в ней твоими к Богу молитвами непоколебимы утверди. Ты, победив полки супостата, от пределов российских отгнал...

– Молитва святому благоверному князю Александру Невскому! – растолковал казак. Он часто, истово крестился, комкая суконную шапку в левой, сжимавшей поводья руке. – Крестьянам без молебна невозможно. Люди они не воинския, как живот свой положить? А так – пропели молебен со акафистом, простились друг с другом, и с помощью божиею приутожились!

Позади фыркнула, захрапела лошадь. Я обернулся – штаб-ротмистр Богданский собственной персоной. Кивер зажат под локтем, правая рука вздёрнута, пальцы собраны в приличествующую щепоть. Из-за плеча у него ухмылялся корнет Алфёров – тоже с непокрытой головой, однако, креститься по примеру начальства и не думает. Я ответил ему улыбкой: Мальчишка, вольнодумец, что с него взять...

– Ну, всё, господа, помолились, и довольно. – заговорил штаб-ротмистр. Настроение у него было приподнятое в ожидании лихого дела. – Как в писании: “Богу – Богово, а кесарю – кесарево”. Сейчас скачем на дальнюю околицу и занимаем позицию в рощице. Диспозиция такая будет: куринцы лягушатников в село впустят – сделают вид, что они мирные жители и о сопротивлении даже помыслить не могут. “Мол, мы всё вам продадим, в этой усадьбе муку возьмёте, а с повозочкой давайте в другую усадьбу, там стог сена есть, а там дальше пройдёте по домам, хлебушком и картошечкой разживётесь...” А когда передовой отряд растащат по дворам, тут-то другие мужички, что по избам сидеть будут, на вилы их и взденут! А мы в засаде выждем. Французы вояки серьёзные, и даже если их врасплох застать, драться будут крепко. Пушки, опять же – непременно они их на левом фланге поставят, возле сосновой рощи, чтобы село держать под обстрелом. Вот по ним мы и ударим в первую очередь.

Павлоградцы с казаками одобрительно загомонили. Захватить внезапным наскоком из засады пушки, разогнать орудийную прислугу – это было привычно, и они уже предвкушали, как будут скакать, стрелять, рубить...

Штаб-ротмистр крутанул на месте свою рыжую кобылу, заставив испуганно попятиться обступивших нас мужиков.

– Вот что, корнет... – он обернулся к Алфёрову, по-прежнему весело скалящему все тридцать два зуба, – сейчас берите троих гусар и выдвигайтесь в аванпост, на тот берег реки. Далеко не отходите, затаитесь в ивняке и наблюдайте. Появится неприятель – в перестрелку не вступать, отступайте к селу. А вы, господа штабные – с нами, или как?

Это самое “или как?” было адресовано нам с Ростовцевым и содержало в себе не слишком даже завуалированное оскорбление. Мы не были штабными, и Богданскому прекрасно это было известно. Тем не менее, Ростовцев выпад проигнорировал – кивнул и развернул коня, направляясь следом за павлоградцами. Я поудобнее перехватил повод, а другой рукой нащупал чехол у седла, из которого высовывался на ковбойский манер приклад мосинского карабина.

“...Что ж, раз надо – повоюем...”

* * *

Пушечные жерла один за другим развернулись в сторону села. Номера откатывали в тыл зарядные ящики, уводили лошадей, разбирали банники, приборники и торопливо занимали положенные места у орудий. Стоящий рядом с д'Эрвалем капитан-артиллерист довольно крикнул – батарейная полурота демонстрировала недюжинную выучку, и командира радовало, что адъютант маршала видит, как славно они справляются со своими обязанностями.

Лейтенант повернулся в седле. Справа по бревенчатому мостику переправлялась через речку Вохонка пехота; вюртембергские конные егеря в своих зелёных с жёлтой отделкой мундирах и высоких гребнястых касках уже рысили по направлению к селу. За ними тархтели обозные телеги и попевали, порой переходя на бег, как и положено лёгкой пехоте, стрелки-вольтижёры. Всё правильно – передовой отряд выдвигается вперёд с целью оценить обстановку и произвести разведку. Позади, за их спинами, в полном соответствии с составленной диспозицией разворачивались главные силы, имея на левом фланге, у опушки сосновой рощи, четыре шестифунтовки. Так что, засел в селе неприятель, или его там и в помине нет – теперь уже роли не играет. Никто не собирается миндальничать с восставшими; надо будет вешать – значит, станут вешать. Успехи блестящих военных кампаний Императора построены на непреложном правиле: «война сама себя кормит», а значит, русским пейзазам, хотя бы они того, или не хотят, придётся поделиться припасами. Или умереть, всё равно потеряв своё имущество вместе с жилищами, которые в таком случае предадут огню.

Замыкающие пехотинцы вслед за повозками втянулись в село. Д'Эрваль приподнялся на стременах и приложил ладонь козырьком к киверу. Ничего – ни суеты, ни мечущихся туда-сюда людей, ни прочих обязательных признаков стычки и начавшегося грабежа. Похоже, посланные вчера разведчики что-то напутали, и в селе – как его там, “Grande Cour”⁶ – неприятеля нет. А может они все сбежали ночью, узнав о скором приближении авангарда? Что ж, разумное решение – против пушек и линейной пехоты герильясам нипочём не выстоять.

И словно в ответ в селе захлопали врассыпную ружья, донеслись едва слышные на таком расстоянии крики. На околице показались три верховых вюртембергца – они всюду нахлестывали лошадей, то и дело оглядываясь через плечо. Из-за плетней пыхнули белые дымки выстрелов, один из всадников покатился с седла, а из деревни уже выбегали группами по три-четыре человека, вольтижёры. Выбегали – и торопливо сбивались в кучки. Следом за ними валила, оглушительно гомоня, толпа пейзазов. Они, словно собаки кабана, обкладывали ошестившиеся иголками штыков пехотные “ежи”, но сделать ничего не могли – вольтижёры пятились, прокладывая себе путь в этом бурлящем, остервенелом потоке вооружённых чем попало людей.

Загрохотали копыта – от моста во весь опор летел юноша-адъютант. На скаку он размахивал рукой, указывая артиллеристам на побоище.

– Merde!⁷ – оценил обстановку капитан. – Сейчас нельзя, нашу же пехоту побьём! Вот отгонят этих мизераблей хоть шагов на полсотни, и тогда...

Этого, похоже, ждать оставалось недолго. Загрохотали барабаны, тонко засвистела флейта, и батальонная шеренга скорым шагом двинулась навстречу откатывающимся вольтижёрам.

– Что вы собираетесь делать, мсье? – спросил д'Эрваль. Артиллерист прав – сейчас бить по преследующим пехотинцев пейзазам нельзя, слишком велик риск угодить с первого же залпа в своих.

⁶ (фр.) “Большой Двор”, название села

⁷ (фр.) Дерьмо

– Надо зажечь село бренскугелями. – решил капитан. – Потом будем бить гранатами поверх голов пейзаж – глядишь, испугаются и оставят вольтижёров в покое. А когда пехота прижмёт их к горящим избам – побросают оружие и разбегутся. Если им это, конечно, позволят, в чём я очень сомневаюсь...

Действительно, на правом, противоположном фланге пехотного строя уже выстраивались для атаки остатки конноегерского эскадрона – вюртембергцы, вояки крепкие, жаждали посчитаться за своих завлечённых в ловушку земляков.

Д'Эрваль кивнул, соглашаясь. Эти сумасшедшие селяне сами выбрали свою судьбу, решившись оказать сопротивление – и не жалкой фуражирской партии из полусотни нестроевых с жиденьким кавалерийским конвоем, а многочисленному отряду регулярной армии с пехотой и артиллерией. Что ж, пусть теперь пеняют на себя – *la guerre comme a la guerre*⁸, не так ли?

* * *

Пушки рыкнули, подпрыгнули, разом выбросив столбы ватнобелого дыма. Зажигательные снаряды прочертили воздух над головами куринской пехоты и теснимых ими французов. “Номера” навалились на колёса, накатывая орудия; их товарищи опустили щётки банников в ведра с водой и принялись орудовать ими, прочищая стволы перед тем, как вложить новые заряды. Подносчики уже стояли наготове; даже отсюда, с расстояния в три сотни шагов, я различал у них в руках полотняные пороховые картузы, чёрные шары гранат и дымки на концах пальников в руках фейерверкеров.

– Пора, ребята! – крикнул Богданский и вытянул левую руку горизонтально, указывая место для построения. – Строй фронт!

Гусары поспешно стали занимать свои места. Мы с Ростовцевым на правах гостей встали рядом с начальством. Казаки, искренне презирающие строевые армейские экзерциции, сбились в кучку на левом фланге бирюзово-зелёных.

– Сабли вон!

Скрежетнула сталь, залязгала сталь – клинки вылетали из ножен и по-уставному ложились на плечо владельцев. Я же вытащил из чехла карабин, клацнул затвором и привычно упёр приклад в колено. Богданский неодобрительно покосился на странный “штуцер” – в ответ я пожал плечами. Звиняйте, вашбродие, всяк воюет, как умеет...

– Рысью!.. Ма-а-рш! – зычно гаркнул штаб-ротмистр и шеренга двинулась вперёд. Не успели мы оставить позади редкий сосняк, как последовала новая команда: “Куц галопом! Марш!”. Богданский прищипил коня и рванул; остальные разом прибавили, не позволяя, однако, своим лошадям выноситься вперёд правого флангового всадника.

– К атаке! – разом сверкнули клинки, вскинутые “в терцию”, на уровне глаз для неотразимого колющего удара. Если бы за нами скакала вторая шеренга, то её всадники вскинули бы сейчас клинки над головами – рубить с замаха.

Но, чего нет, того нет. Маловато на этот раз бойцов в атакующем строю – неполных две дюжины гусар да примерно столько же примерно казачков Денисова полка. Принимать под своё начало верховых куринцев Богданский отказался – “строю не знают, только под копытами будут путаться!” – и теперь крестьянская конница со своими косами и трофейными пиками скрытно разворачивалась в ракитнике, на берегу речки Вохны, изготавливаясь к фланговому удару.

– Атакуйте! Марш-марш! – заорал Богданский, вставая на стременах. Гусары разом прибавили темп аллюра; я видел, как суетится возле пушек батарейная прислуга, торопясь раз-

⁸ (фр.) На войне, как на войне.

вернуть их навстречу неожиданной угрозе, как спотыкаясь, бегут от передков подносчики с картечными зарядами – и не успевают...

Шеренга павлоградцев уже достигла орудий. Гусары с ходу порубили расхватавших, было, банники и гандшпуги батарейцев и, не сбавляя аллюра, поскакали дальше.

– Принять вправо!

Новая команда, и павлоградцы послушно загибают фланг, заходя в тыл наступающей пехоте. С противоположного фланга донеслись пронзительные, на татарский манер, взвизги и свист – это конница куриnceв выскочила из засады и тоже вступила в дело. Капкан, старательно настороженный Куриным и Богданским лязгнул, намертво цепляя своими зубастыми дугами ничего не подозревавших французов.

К своему стыду я не смог удержаться в строю, отстал, оказавшись позади атакующего строя. И – успел заметить, как кучка верховых, отстаивавшиеся в тылу батареи и не попавшие под удар, один за другим пятятся, разворачивают лошадей и ныряют в жиденский кустарник на краю роши. А следом за ними уже скачут оторвавшиеся от шеренги казаки – хватать, вязать, потрошить карманы и седельные сумки. Я перехватил поудобнее карабин, из которого не делал во время атаки так ни разу и не выстрелил, и направил коня за денисовцами.

VIII

Д'Эрваль не заметил, когда на фланге французского построения появилась русская кавалерия. Услыхал испуганные крики, повернулся – и обнаружил выскочивших, словно чёртик из табакерки, всадников, скачущих во весь опор с саблями, уставленными для колющего удара. Как, почему так получилось – оставалось только гадать. Скорее всего, виной всему стала оплошность артиллерийского капитана, который в своём презрении к противнику (мужичьё, крестьяне, кто будет воспринимать их всерьёз?) не озаботился послать в соседнюю сосновую рощицу хотя бы малый дозор. За что и поплатился – гасконец видел, как беспечный офицер покатился наземь, орошая пожухлую октябрьскую траву кровью из разрубленной головы. Иначе и быть не могло: артиллеристы, конечно, народ отважный, упорный, но не им тягаться в конной сшибке с гусарами, хотя бы и русскими...

Поначалу им повезло – ему и ещё двум штабным офицерам, наблюдавшим за разворачивающейся баталией с некоторого отдаления. Атака русских гусар их не задела; д'Эрваль, было, рванул клинок из ножен, собираясь скакать на выручку артиллеристам, но вовремя сообразил, что там всё кончено, и единственное, что они смогут сделать – это понапрасну сложить головы в отчаянной сабельной рубке. А потому, он повернул жеребца и, не обращая внимания на протесты спутников, поскакал к узкой полосе кустарника, за которыми ними несла свои мутноватые воды речушка Вохонка. Подняв тучу брызг, всадники с разгону влетели в мелкий поток, но перед обрывистым глинистым берегом замешкались – и тут в спину им захлопали выстрелы.

Казаки – это были, конечно, они в своих синих куртках, шароварах с лампасами и чёрных бараньих шапках с алыми шлыками – стреляли с сёдел, с дистанции в две дюжины шагов, и большая часть пуль ушла “в молоко”. Но не все: одна царапнула шею ганноверского жеребца, отчего тот пронзительно завизжал и вскинулся на дыбы, другая выбила из седла адъютанта – несчастный повалился на круп, широко раскинув руки, и д'Эрваль успел увидеть фонтан крови, брызжащий из простреленной груди. Но некогда было сочувствовать юнцу: казаки уже спускались в воду и скакали к ним, раскручивая над головами на арабский манер пики.

Это лейтенанта и спасло – неуёмное бахвальство сына степей, а так же, то, что узость речки и вода, пусть и едва доходящая до животов лошадей, не позволяли взять достаточный разгон. Он без труда уклонился от наконечника пики, описывавшего со свистом широкие дуги, прищпорил жеребца – и когда тот, прыгнув вперёд, врезался широкой грудью в бок лохматой казацкой лошаде́нки, повалился на гриву и воткнул саблю неприятелю в диафрагму. Казаку

выпустил пику, захрипел, заскреб в агонии ногтями по клинку, пронзившему грудь, выпученные глаза глянули в упор, прежде, чем подёрнуться ледком подступившей смерти и д'Эрваль всем своим существом испытал неповторимое чувство, когда жизнь через рукоять клинка покидает убитого тобой человека.

Сильнейший удар по спине выбил его из седла. К счастью, доставший его казак не колот своей пикой, а ударил древком с размаху, словно жердиной, вывороченной из плетня во время деревенской драки. Но и того с лихвой хватило, чтобы лейтенант, невзвидя света от боли, полетел в воду – и сразу же вскочил, выставив перед собой бесполезную саблю. Бородатые всадники неотвратимо приближались, брызги летели веером во все стороны, солнце играло в них и на наконечниках пик. Гасконец окончательно, бесповоротно осознал: всё, конец, спасения нет, ему суждено умереть прямо здесь, стоя по пояс в воде жалкой подмосковной речушки. И решительно никто не узнает о древней тайне, которую последний из древнего рода д'Эрвалей унесёт с собой в предвечную тьму.

На этот раз – безвозвратно.

Ветви ракитника раздвинулись, и конь вынес меня на невысокий бугор в излучине реки. Отсюда во всех подробностях открылась батальная сцена под названием “Героические казаки Денисова полка берут в плен кровавого французского оккупанта”. Означенный оккупант, гусарский офицер в сером, с золочёными шнурами ментике, стоял, выставив перед собой саблю, отгораживаясь этой жалкой железякой от трёх уставленных ему в грудь казачьих пик. Лицо его до боли напомнило мне актёра Смехова в роли Атоса. Волосы налипли на мокрый лоб; кивер дрейфует вниз по реке, похожий на перевёрнутое жестяное ведро. Под берегом застрял в зарослях осоки труп в синем казачьем бешмете – он плавал лицом вниз, и по течению от него медленно расплывалась мутно-багровая полоса. Ещё один мертвец в сине-белом сюртуке и высоких кавалерийских ботфортах украшал собой глинистый откос, а рядом с ним, как не в чём ни бывало, ощипывал свисающие ветви платиново-серый жеребец под леопардовым чепраком.

Один из казаков отвёл назад руку с пикой, намереваясь наколоть противника, словно жука на булавку. Француз попятился, оскользнулся, запутавшись в водорослях, упал, и это спасло ему жизнь – пика бесполезно мелькнула над плечом. Казак ругнулся, тронул коня вперёд, замахиваясь для нового удара, и....

– А-а-тставить, хорунжий! Он нужен мне живым, посмеете тронуть – пеняйте на себя!

Я едва не подскочил в седле, словно от укола шилом в филейную часть – и обернулся. Ростовцев. Позади него держится верный Прокопыч с трофейным кавалерийским штуцером в руке. И когда это они успели меня нагнать?

Казаки, недовольно, ворча, подняли пики и повернулись к поручику. Физиономии их выражали самое, что ни на есть, явственное неудовольствие. Француз же вздел очи горе и дёрнул правую руку ко лбу, чтобы перекреститься – помешала зажатая в ладони сабля.

– Я что сказал, хорунжий? – снова рявкнул поручик. – Извольте испа-а-алнять!

Казак сплюнул в воду.

– Ахвицера-то хранцузского мы поймали. – неуверенно начал он. А значицца, и господину штаб-ротмистру тоже мы его доставим. Чтобы по справедливости было, вашбродие!..

– По справедливости, говорите? – Ростовцев не думал скрывать иронии, а Прокопыч за его спиной откровенно, в голос, заржал. Я улыбнулся. Побуждения казака прозрачны, как хрусталь: пленный офицер – это верный крест и повышение в чине, конь его стоит хороших денег, да и саквы за седлом судят недурную поживу. Тем более, что по своему хорунжий прав: если бы не они – француз, пожалуй, сумел бы уйти, присоединиться к остаткам авангарда, пятящегося сейчас от моста, на котором уже разгорались груды хвороста и соломы, наскоро наваленные отступившими пехотинцами. Тех же, кому не повезло, добивали сейчас дрекольем куринцы на противоположной стороне реки, а спешившиеся гусары, подгоняемые зычным рыком Бог-

данского, разворачивали захваченные пушки, собираясь проводить бывших хозяев парочкой ядер. Среди серых с белыми шнурами ментиков то тут, то там мелькали сине-белые с красными эполетами мундиры французских артиллеристов, мобилизованных ротмистром для обслуживания трофеев.

“...Да ведь мы победили!..”

– Да не переживайте вы так, хорунжий. – тоном ниже заговорил Ростовцев. – Никуда от вас крест не денется. Слово офицера – самолично доложу Богданскому, что лейтенант взят вами. Что до остального – десяти рублёв хватит за коня с поклажей?

– Десять рублёв... – казак поскрёб пятернёй в проволочной бороде, явно разрываясь между алчностью и пиететом перед офицерским званием. – Конь уж больно хорош, да и Митьку француз энтот срубил до смерти, а у его мать осталась, сестрёнки. Добавить бы, вашбродь...

– Бога-то побойся, станишный! – не выдержал Прокопыч. – Конь тебе хорош, али о сродственниках товарища своего убиенного хлопчешь? Десять рублёв за эдакого одра – красная цена в базарный день, да ещё и поди, сыщи, кто её даст...

– Надо будет, сыщем. – возразил бородач. – Что с боя взято, то свято, а с роднёй Митяя мы по-божески поделимся. Чтоб по справедливости! – повторил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.